

16+

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

НОЯБРЬ
2020

№11/121

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Запрещенный император

Иоанн VI – Железная Маска
русской истории

РОКОВОЕ НАСЛЕДСТВО

ГРАЖДАНЕ РОМАНОВЫ

РЫЦАРЬ С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ
МУАММАРА КАДДАФИ

«П-ПП-П-РИНС В-А-А-АА-СИЛЬЧИКОВ»
И ДРУГИЕ

в спецвыпуске

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

Запрещенный

■ Сергей МАКЕЕВ

Публикация 2004 года

Он был законным императором и самодержцем всероссийским. Но имя его долго оставалось под запретом. В секретных документах он значился как «известная персона». О нем и сегодня знают немногие, он даже не упомянут в школьных учебниках. Беллетристы пишут о нем охотнее – еще бы, «железная маска» русской истории! Страдания при жизни, трагическая гибель, а после смерти долгое забвение – из всех российских государей он заплатил за венец самую страшную цену, и совершенно безвинно.

Бабушка

В полночь офицер, стоявший на карауле в Зимнем дворце, увидел странную женщину в белом. Она будто не шла, а плыла над паркетом. «Стой, кто идет!» – окликнул офицер. Но женщина не отозвалась, не остановилась. Доложили Бирону, тот разбудил императрицу. Анна Иоанновна перекрестилась и, как была в ночной рубашке, босая, вышла из опочивальни. Они встретились – обе рослые и грузные, обе в белом. «Это смерть моя», – сказала императрица Бирону. Под утро с ней случилась истерика, а затем новый приступ мучительных болей.

Подходило к концу «аннинское» десятилетнее правление. Свершилось многое, о чем и мечтать не могла в молодые лета царевна Анна, дочь царя Ивана, сводного брата и соправителя Петра. Царь Иван и умом был слаб, и здоровьем немощен, однако это не помешало ему сотворить пятерых дочерей. Нравом он пошел в отца, Тишайшего. Рассказывали, что однажды отправился он в нужник, а тут рухнула поленница дров, и дверь завалило поленьями. Царь просидел взаперти несколько часов, не подавая голоса, покамест бояре его не хватились.

Царственные юноши вместе правили недолго – Иван рано умер, и вся власть досталась Петру. Вдова Ивана царица Прасковья с тремя царевнами (две девочки скончались во младенчестве) поселилась в Измайлове. Жила на старый московский лад, окруженная шутами, богомолками и юродивыми. Двор царицы Прасковьи, по словам Татищева, представлял «госпиталь уродов, ханжей и пустосвятов». Но вдове хватило ума ни словом, ни делом не вмешиваться в зазеи молодого царя. Пётр это ценил и до поры не трогал родственников сводного брата. Хотя у него были свои виды на будущность царевен.

В допетровской Руси подросткам царевнам один был путь – в монастырь. В России для них женихов не было: «потому что князи и бояре их есть холопы и в челоубитье своем пишутся холопами», а за иностранца нельзя, «для того, что не одной веры и веры своей оставить не хотят» – так писал русский историк еще в XVII веке.

Пётр же относился к дочерям и племянницам как к оборотному экспортному капиталу, который со временем может принести немалые выгоды. И вот в 1709 году Анну Иоанновну просватали за курляндского герцога Фридриха Вильгельма. Одному Богу известно, сколько горьких слез пролила московская царевна! Ее жалели, в народе даже песню сложили:

Не давай меня, царь-государь
Пётр Алексеевич,
В чужую землю нехристианскую,
бурсманскую,
Выдавай меня, царь-государь,
за своего генерала, князь-боярина.

ИОАНН VI – ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Анна Леопольдовна и Антон Ульрих Брауншвейгский – родители наследника всероссийского престола Ивана VI

Но кому бы пришло в голову послушаться Петра? И вот 31 октября 1710 года в Санкт-Петербурге русская царевна и курляндский герцог впервые встретились – и тотчас обвенчались. Свадебный пир был во вкусе Петра Великого: он сам разрезал кортиком два огромных пирога, откуда «появились по одной карлице, превосходно разодетых», которые тут же, на столе, исполнили изящный мену-

эт. (Этот эпизод позднее вошел в книгу «Приключения барона Мюнхгаузена» как невероятная выдумка.)

Семейная жизнь Анны Иоанновны длилась недолго – муж ее Фридрих Вильгельм умер на пути в Курляндию, на первой же станции. Говорили, что с перепоя: на проводах сублинный курляндец вздумал соперничать в возлияниях с Петром, который и в пьянстве был Великим.

Анна было обрадовалась: можно не ехать «на чужую сторонушку», а воротиться домой, в разлюбленное Измайлово. Но не тут-то было. Пётр отправил молодую вдову в Митаву, столицу Курляндии, блюсти российские интересы в Прибалтике. Там она и жила восемнадцать лет, постоянно нуждаясь в деньгах, особенно же – в поддержке и защите. Вдовьей слабостью воспользовался русский резидент Пётр Михайлович Бестужев-Рюмин, а затем его оттеснил молодой и напористый Эрнст Иоганн Бирон.

В России за это время скончался Пётр Великий, после него около двух лет правила Екатерина I, затем примерно столько же Пётр II – внук Петра I и сын несчастного царевича Алексея. В ночь на 19 января 1730 года четырнадцатилетний император скончался от оспы. Умер последний мужской потомок династии Романовых по прямой линии.

Кому наследовать трон Российской империи, решал Верховный тайный совет, созданный еще Екатериной, «дабы Нам вспоможение и облегчение учинил». Теперь «верховники» заботились в основном о сохранении и упрочении своего положения. Для этого им нужен был государь слабый, недалекий и зависимый. Лучшей кандидатуры, чем Анна, и придумать было нельзя. Ее вызвали из Митавы и дали подписать особые условия – «кондиции», ограничивающие ее власть. Но «верховники» просчитались. Вскоре после коронации Анна заручилась поддержкой московского дворянства и гвардии, порвала «кондиции» и жестоко расправилась с «верховниками».

И зажила Ивановна этаким всероссийской барыней. Любила смотреть в окошко и окликать прохожих: кто таков, почему одежда худа? Любила стрелять из ружья по воронам. Любила читать доносы и протоколы допросов из Тайной канцелярии. Любила разных шутов, шутих и вообще дурацкие затеи. Знаменитый Ледяной дом стал последним символом «аннинского» правления.

Но было и другое: Анна Иоанновна долго жила за границей и кое-чему там все-таки научилась. Даже любовника себе завела немца. Худо-бедно, а она продолжила дело своего великого дяди. При ней двор вернулся в Санкт-Петербург (Пётр II постоянно жил в Москве, «северная столица» пришла в запустение, в центр города забегали волки из окрестных лесов). Адмиралтейская часть была отстроена в настоящем виде. Она любила театр, при ней итальянские оперные труппы постоянно давали представления.

Но вот Анна Иоанновна, прежде отличавшаяся не только мощной статью, но и богатырским здоровьем, начала хворать. Надо было срочно отдать последние распоряжения и главное – назначить престолонаследника.

Мать

Не только императрица, а вообще все «ивановцы» ненавидели потомков Петра, потому что презирали их мать Екатерину (Марту Скавронскую), «лифляндскую портомою». Вдобавок обе дочери Петра и Екатерины – Анна и Елизавета – были рождены до брака. Правда, во время венчания царственных супругов девочки-цесаревны несли шлейф подвенечного платья матери и обошли вокруг аналоя. По традиции после этого они считались «привенчанными». Красивая традиция, но престолонаследие – закон, а не обычай.

Чтобы передать корону по своей, ивановской линии, Анна Иоанновна задумала выдать замуж свою племянницу за какого-нибудь европейского принца и завещать трон их потомку.

Император

Заручившись поддержкой дворянства и гвардии, Анна Иоанновна разорвала «кондиции», которыми было обставлено ее восшествие на трон, и расправилась с Верховным тайным советом

Старшая сестра императрицы Екатерина Ивановна вышла замуж позже средней сестры, в 1716 году, за герцога Мекленбургского Карла Леопольда. Характер у герцога был несносный, к тому времени он уже успел развестись с двумя женами. Он спалил замок своего родного брата, восстановил против себя все мекленбургское дворянство, так что сам император Карл VI направил против него карательный корпус. В 1718 году у Карла Леопольда и Екатерины Ивановны родилась дочь. Ее окрестили по лютеранскому обряду и назвали Елизаветой Екатериной Христиной. Через несколько лет, воспользовавшись приглашением царицы-матери Прасковьи погостить в России, Екатерина с маленькой дочкой уехала и уж больше не вернулась к мужу.

Взойдя на трон, Анна Иоанновна приблизила к себе сестру с племянницей. Императрица полюбила девочку с нерасстраченной нежностью. При крещении в православную веру девочка получила имя тетки, и та стала ей крестной матерью (некоторые дипломаты заключили даже, что императрица таким образом удочерила ее и готовит крестницу себе в преемницы), выписала из-за границы опытную наставницу, вдову генерала госпожу Адеркас. Но девочка быстро превратилась в трудного подростка. Была диковата, сторонилась двора, время проводила в узком кругу за карточной игрой, не носила фижм (о ужас!), вообще одевалась и причесывалась кое-как. Зато любила читать романы, что считалось тогда делом предосудительным.

Свататься к принцессе начали рано, когда ей было всего одиннадцать лет (еще бы, за ней давали в приданое всю Россию!). Первым соискателем был брат португальского короля инфант Эммануил. Впрочем, жених оказался неразборчивым, он готов был жениться и на двадцатилетней цесаревне Елизавете Петровне, да и на самой Анне Иоанновне. Императрица при этом всплакнула о своем, о вдовьем... и спроводила жениха. Рассматривались и другие кандидатуры. Выбор был сделан в пользу принца Антона Уль-

риха Брауншвейгского, представителя древней династии Вельфов, к тому же родственника императрицы Австрии – главного союзника России в Европе.

Принц Антон Ульрих приехал в Россию в 1733 году, официально – на военную службу, а на самом деле как возможный жених. Но сватовство его затянулось почти на семь лет! Против этого брачного союза усиленно интриговали послы Англии и Франции. Бирон делал вид, что помогал, а на деле мешал; сомневалась порой и сама императрица. Ну а принцесса-то, невеста? Ее, конечно, никто не спрашивал, но все видели, что ее отношение к Антону Ульриху колеблется от холодности до неприязни.

Да, мало кому удавалось подобрать ключик к этому сердцу. Таких было лишь двое – саксонский посланник граф Линар и фрейлина Юлиана Менгден.

Любовь или увлечение шестнадцатилетней принцессы Анны Леопольдовны тридцатилетним графом Морицем Линаром вспыхнула в 1735 году. Двор был «скандализован», тем более что роман разворачивался на глазах жениха. Императрица была взбешена. Она заперла племянницу в ее покоях, выслала вон из страны ее наставницу (как выяснилось, и в амурных делах тоже) госпожу Адеркас, а камер-юнкера принцессы Брылкина, носившего любовные записки, сослала в Казань. Сам Линар был по просьбе русского правительства отозван из России. Венский и брауншвейгский дипломаты вздохнули с облегчением. Причина беспокойства оказалась проста: «принцесса молода, а граф – красив», как написала проницательная современница.

После отъезда Линара принцесса еще больше сблизилась со своей любимой фрейлиной Юлианой Менгден. Они стали неразлучны в прямом смысле слова, то ест часто и в спальне. Английский посланник Финч, хорошо знавший окружение принцессы, писал, что любовь Анны к Юлиане «была похожа на самую пламенную любовь мужчины к женщине».

Внезапно возник еще один жених – сын самого Бирона, Пётр. Великий аван-

тюрист Бирон подумал: чем черт не шутит, не породниться ли с Романовыми? И послал своего недоросля Петра к Анне Леопольдовне.

Принцесса пришла в ужас (Бирона боялись все, кроме императрицы) и решила из двух зол выбрать наименьшее.

Отец

Древний род герцогов Брауншвейгских – дом Вельфов – впервые породнился с домом Романовых в 1711 году: принцесса Шарлота Христина Софья вышла замуж за царевича Алексея Петровича. Супруги были друг другу чужими, и брак принес всем одни несчастья. Принцесса умерла после рождения второго ребенка в возрасте 21 года. Царевич бежал за границу, был насильно возвращен в Россию, обвинен в государственной измене и то ли убит в тюрьме, то ли замучен пытками. Их сын-подросток царствовал под именем Петра II всего около двух лет и умер, как уже было сказано, от оспы в Москве, в Лефортовском дворце.

Вскоре после воцарения Анны Иоанновны в секретную поездку по княжествам Германии отправился обершталмейстер русского двора граф Густав Левенвольде, «дабы там осмотреться, но никому обещаний не давать». Возвратившись, он назвал в качестве одного из будущих женихов Антона Ульриха Брауншвейгского. Разумеется, цель поездки Левенвольде не стала тайной ни для сиятельных особ, которых он посетил в Германии, ни для иностранных резидентов в России.

И вот в 1732 году восемнадцатилетний принц Антон Ульрих получил официальное приглашение в Россию: ему был обещан кирасирский полк и чин подполковника. О высшей его миссии, разумеется, ничего не говорилось. В переписке его сватовство именуется «главным делом».

Принц, не мешкая, выехал в Россию и в феврале 1733 года прибыл в Санкт-Петербург. Его встретили внешне радушно и даже ласково, но многие не скрывали разочарования. Антон Ульрих был невы-

сок ростом, худощав и несмел в общении с сильными мира сего. Да, он был образованный и воспитанный юноша, толковый и смелый офицер, честный и прямодушный человек. Библиотека, которую он привез, а затем пополнил, была одной из лучших в России (правда, в его собрании нашлось место лишь трем художественным книгам: два барочных романа принадлежали перу его деда, а третий – «Робинзон Крузо»). О мужестве Антона Ульриха прусский король Фридрих II писал впоследствии: «Неустранимость была его природным качеством». Но все эти достоинства не искупали одного недостатка – он не был рожден для власти, политики, интриг.

Антон Ульрих усердно занимался русским языком, науками, военными дисциплинами, упражнялся в верховой езде в манеже. Наносил необходимые визиты, присутствовал на парадах. Участвовал во всех придворных балах и приемах. И, разумеется, не забывал о «главном деле», добивался благоосведомленности Анны Леопольдовны. Вероятно, этот добросовестный юноша был «влюблен по собственному желанию». По крайней мере, в письмах он отзывается о капризной принцессе в самых превосходных выражениях. Увы, на любовном фронте особенно сказывались наивность и неопытность принца: вместо того чтобы оболащывать девицу, он зачастую изводил ее скучными разговорами о фортификации и тому подобном.

Кирасирский полк для Антона Ульриха только формировался, а пока он в качестве волонтера принял участие в походе против турок. Его свита составляла маленький отряд. 1 июля 1737 года при штурме крепости Очаков принц был в гуще боя, под ним пала лошадь, другая пуля пробила камзол, но его самого не задела. Были ранены его адъютант и двое пажей. Командующий армией фельдмаршал Миних написал императрице, что Антон Ульрих вел себя в походе и в бою «как иному генералу быть надлежит».

В Санкт-Петербург Антон Ульрих вернулся если не овеванным славой, то, во

в всяком случае, уважаемым в армии командиром. В следующем походе 1738 года он командовал уже отрядом из трех полков, в том числе своим Брауншвейгским кирасирским. Этот поход оказался тяжелым и неудачным, генерального сражения так и не произошло. Но и в коротких стычках с неприятельской конницей принц подтвердил свою репутацию.

В следующий поход 1739 года Антон Ульрих уже не отправился, его ждало генеральное сражение, решающее для «главного дела». Вероятно, личное мужество и уважение военных сыграли свою роль. Анна Иоанновна решила, что тянуть больше нельзя, а Анна Леопольдовна предпочла принца «биронычу».

Помолвка состоялась 2 июля 1739 года в большом зале Зимнего дворца. Принц Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебург-Вольфенбюттельский – таков его полный титул – просил у императрицы руки принцессы Анны и обещал «беречь ее всю жизнь с нежнейшей любовью и уважением». Присутствовавшая на церемонии жена английского резидента Джейн Рондо так описала эту сцену: «На женихе был белый атласный костюм, вышитый золотом, его собственные очень длинные белокурые волосы были завиты и распущены по плечам, и я невольно подумала, что он выглядит как жертва... Принцесса обняла свою тетушку за шею и залилась слезами. Какое-то время ее величество крепилась, но потом и сама расплакалась... Потом принцесса Елизавета подошла поздравить невесту и, заливаясь слезами, обняла». Вполне по-русски и по-бабы, а все же многовато слез, не к добру!

Свадьбу справляли с невероятной пышностью, гремели пушки, войска салютовали беглым огнем, били фонтаны с белым и красным вином, а для «со всего города собравшегося многочисленного народа пред сими фонтанами жареной бык с другими жареными мясами предложен был». Вспыхнул грандиозный фейерверк с аллегорическими фигурами – «Россия и Германия, в женском образе представленные, с надписью: СОЧЕТАЮ».

Молодых отвели в спальню. Но злые языки утверждали, что молодая жена тут же сбежала в сад и будто бы изумленные фрейлины видели, как разгневанная императрица хлестала племянницу по щекам, загоняя ее на супружеское ложе.

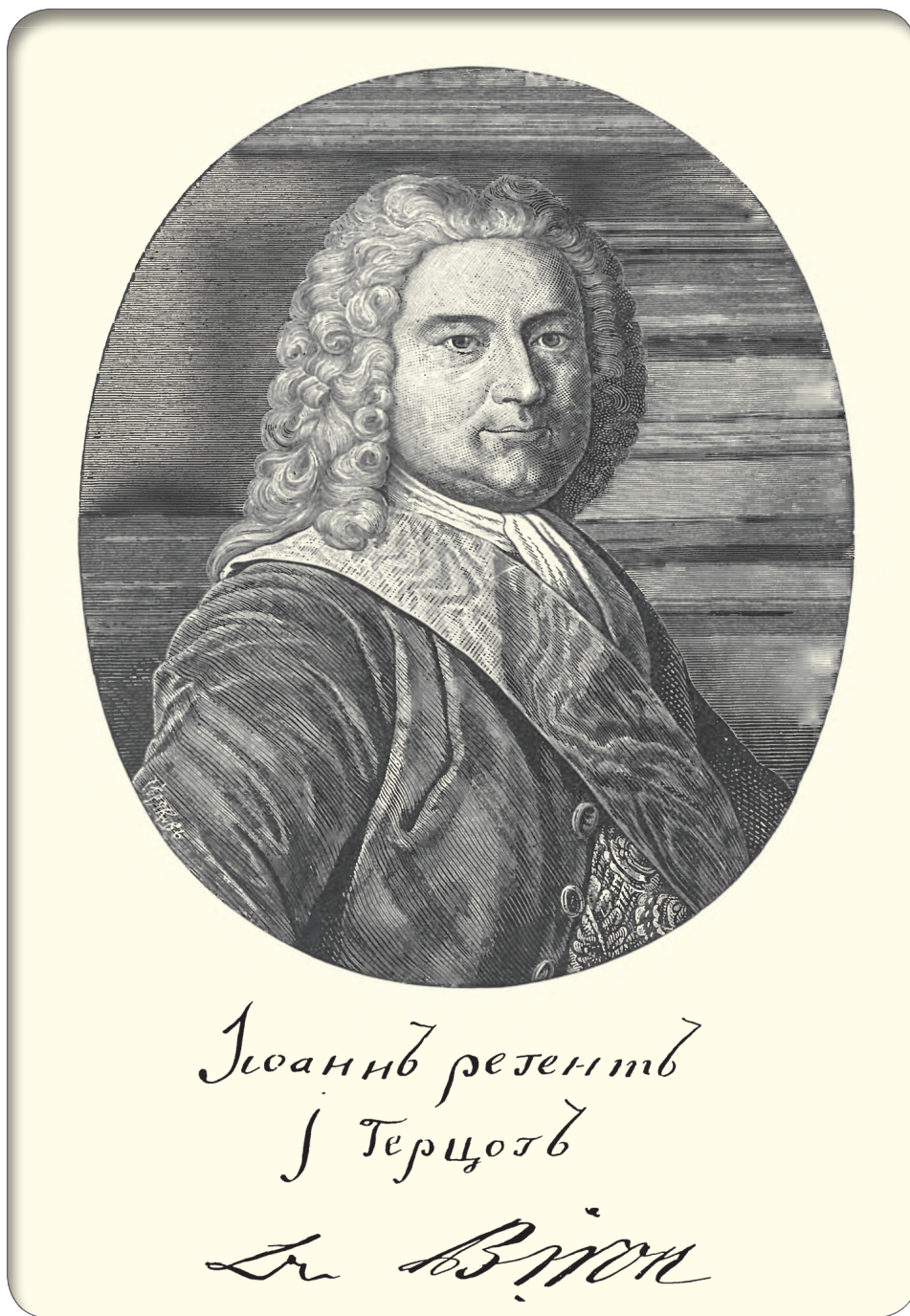
Рождение наследника

Очень скоро оказалось, что свадьба – это только половина «главного дела»: шло время, а признаков беременности у Анны Леопольдовны не наблюдалось. Антон Ульрих был столь усерден на брачном ложе, что от натуги занемог. Секретарь брауншвейгского посольства так отписал домой: «Медики считают, что сие происходит от ослабления его сил и здоровья». Опытный в интимных делах адъютант принца полковник Кейзерлинг дал «благотворные инструкции к поведению, дабы изрядно исполнять супружеские обязанности без ущерба здоровью». Враги этого брачного союза торжествовали, Бирон злорадствовал, между супругами начались ссоры. Царственная тетушка невалась и даже перестала допускать молодоженов к своему столу.

Все болезни от нервов. И эта тоже. Но Антон Ульрих в очередной раз показал себя негсибаемым бойцом. И неудивительно, ведь его предки отличались исключительной плодовитостью, и у его родителей было 13 детей. Враги принца были посрамлены. 12 августа 1740 года Анна Леопольдовна родила сына.

Во всех церквах звонили колокола, служили благодарственные молебны, палили пушки. Брауншвейгская фамилия – так теперь называли Антона Ульриха, Анну Леопольдовну и их потомство – снова была в фаворе. Однако императрица забрала ребенка к себе и поместила в соседних покоях. Анна Леопольдовна, переменчивая, как российская погода, была мила с супругом и даже прилюдно целовала его.

И вдруг 5 октября с Анной Иоанновной случился тяжелый приступ, она даже потеряла сознание. Едва придя в себя, императрица издала манифест: «Назначаем и определяем после нас в законные наследники нашего всероссийского пре-

Бирон, назначенный регентом при младенце, был вскоре сослан

столу нашего любезнейшего внука благоверного принца Иоанна». А в случае, если он умрет, не оставив наследников, корона переходит к принцам «из того же супружества рождаемых». Таким образом, бабушка-императрица на много лет вперед прочертила генеральный план престолонаследия.

Понятно, младенец не мог управлять государством, следовало назначить регента. Выбор невелик: либо один из родителей, либо Бирон. При этом родители сами были как младенцы, ну а за Бирона хлопотать и не надо было. Он понимал, что только регентом при беспомощном ребенке сохранит власть, а возможно и жизнь, и готов был зубами вцепиться в любого соперника. Другие высшие сановники не посмели перечить ему – обер-камергеру, герцогу Курляндии, Лифляндии и Семигалии, наконец, самому богатому вельможе страны – и поддерживали его. Императрица подписала устав о регентстве Бирона и на другой день умерла.

Так тревожно началось правление Ивана III (тогда считали от Ивана Грозного; современные историки ведут отсчет с великих московских князей – от Ивана I Калиты, поэтому сейчас Ивана Антоновича именуют Иваном VI).

Без Бирона

Офицеры гвардии, дворянство были оскорблены – правление Россией на 17 лет вручалось ненавистному Бирону. Офицеры желали вручить регентство Антону Ульриху, чей авторитет в военных кругах был по-прежнему высок. В народе ходили слухи о подложности завещания императрицы.

Бирон вызвал Антона Ульриха и обвинил его в «попытке помятежничать». Он потребовал от принца добровольно сложить с себя все военные чины и не покидать дворца. В общем, регент всего за одну неделю показал, каково будет его правление и кто в доме хозяин. «Можно

предположить, что он поднялся на такую высоту только для того, чтобы совершить тем большее падение», – записал осведомленный придворный. И как в воду глядел.

Опасность на время сплотила Брауншвейгскую фамилию, привлекла на ее сторону многих недовольных. Дело взял в свои руки фельдмаршал Бурхард Кристофор фон Миних, второй чествовец в империи после Бирона. Он прямо предложил родителям императора избавиться от регента и, разумеется, получил согласие.

Вечером Миних ужинал у Бирона. Хозяин между прочим спросил гостя: «Случалось ли вам предпринимать решительные действия ночью?» Миних спокойно ответил: «Случалось, если того требовали обстоятельства». Затем фельдмаршал откланялся, поблагодарил за ужин и отбыл к себе. А ночью отряд из 80 гвардейцев под командованием адъютанта Манштейна арестовал регента. Спросонья Бирон закричал: «Караул!» Манштейн ответил: «Караул прибыл, ваша светлость». Арестованного увезли в Шлиссельбургскую крепость. Впоследствии его судили, приговорили к четвертованию, но заменили казнь ссылкой в сибирский городок Пелым.

Свержение Бирона было встречено всеобщим ликованием. Люди на улицах обнимались, некоторые от радости плакали. «Еще не было примера, – писал французский посланник, – чтобы весь этот народ обнаруживал такую неподдельную радость, как сегодня». 9 ноября 1740 года в Дворцовой церкви министры и сановники присягали на верность принцессе Анне Леопольдовне, ставшей регентшей до совершеннолетия императора-младенца. Отныне она именовалась и подписывалась так: великая княгиня всероссийская и правительница государства. Присягали народ и армия. Маленького венценосца показали через окно собравшейся толпе, и его встретили громогласным «ура!».

Конечно, все ждали, что новые люди заведут в стране новые порядки. Но дело ограничилось раздачей чинов, наград, денег и поместий участникам устранения Бирона и просто друзьям Брауншвейгской фамилии. Принц Антон Ульрих стал генералиссимусом (!), вторым после Меншикова, и кавалером высшего ордена – Святого Андрея Первозванного. Миних назначен первым министром, то есть главой правительства. Он рассчитывал занять при Анне Леопольдовне такое место, какое занимал Бирон при Анне Иоанновне.

Семейство успокоилось, и опять каждый потянул одеяло на себя. Антон Ульрих занялся военными делами, а Миних его то и дело одергивал. Фельдмаршал, хваливший прежде принца, теперь говорил, что провел с ним две военные кампании, но так и не понял, «рыба он или мясо». Началась склока, Миних вспылал и подал в отставку, полагая, что его станут уговаривать остаться. Но Анна Леопольдовна отставку спокойно приняла. Теперь главным советником правительницы стал вице-канцлер Андрей Иванович Остерман (он же Генрих Иоганн Фридрих), выдающийся дипломат. Он и прежде, при Анне Иоанновне, был незаменимым, но предпочитал действовать из-за кулис. А теперь, считал он, пробил его час.

Только сама Анна Леопольдовна сторонилась государственных дел. Она вернула в Санкт-Петербург графа Линара, наградила его орденом Святого Андрея Первозванного и шпагой, украшенной бриллиантами. Его уже открыто называли фаворитом правительницы. Антон Ульрих, напротив, не всегда допускался в покои супруги. Делами двора заправляла Юлиана Менгден, младенец-император был всецело поручен ей. Австрийский посол писал о роли фрейлины при дворе: «Она не оставляет правительницу одну ни на мгновение; даже если у нее Антон Ульрих, даже если они лежат в постели, она без смущения входит к ним». Наконец, Анна Леопольдовна задумала такую комбинацию: выдать Юлиану замуж за Линара, и тогда его сомнительное положение при дворе (при ней) станет почти законным. (Пригодился опыт тетушки: Анна Иоанновна в свое время женила Бирона на своей самой некрасивой, но знатной фрейлине.) Юлиана согласилась, а Линар возликовал и помчался на родину, чтобы просить об отставке и уладить домашние дела. Ему вослед летели нежные письма правительницы России. А ведь в это самое время Анна Леопольдовна была беременна вторым ребенком от законного супруга и в июле 1741 года родила девочку, принцессу Екатерину.

Иваново детство

А что же венценосный младенец? Само собой, он ни в чем не нуждался, скорее наоборот, его детская была завалена дорогой мебелью, роскошной одеждой, игрушками, большая часть которых ему пригодилась бы не скоро. Одних колыбелей было три: «две дубовые, оклеены орехом, искусного мастера, обиты с лица парчой, по краям и углам позументом серебряным, а внутри тафтой», а еще одна плетеная «из прутьев, таковым фасом, как вперед сего из дубового лесу». Кроме того, в детской стояли дубовые кресла и табурет, да еще «высокие на колесах креслица». В гардеробе императора, помимо необходимых рубаш да пеленок, уже имелся «атласный голубой кафтанчик на белой подкладке», за ним пошиты были также синий, желтый, алый и померанцевый; сверх того – «душегреечки из китайской канфы, шапочки шелковые, шитые узором», да еще помочи из кожи, обшитые бархатом, окаймленные золотым позументом, на серебряных пряжках. Среди игрушек царственного младенца были бумажные воздушные змеи, мячики из хлопчатой бумаги, обшитые разноцветными лоскутами бархата, удочки, «трость, что стреляют из нее духом», «пара лопаточек пергаментовых плетеных, что играют в баллоны, решетки из жил, к ним два мячика с перышками» и многое другое, без чего не обойтись полугодовалому малышу.

Разумеется, за императором усердно «ходили», но... Знал ли он вкус материн-

ского молока? Запомнил ли мамин голос? Вообще, мог ли он отличить свою мать от Юлианы Менгден, а своего отца от истопника, дважды в день топившего печь в его детской? Слышал ли он русскую речь? Вряд ли, всем было не до него.

Его редко и неохотно показывали кому-либо. Французский посол маркиз де ла Шетарди упорно добивался, чтобы его допустили к императору – ведь маркиз назначен посланником при дворе «его величества». Наконец, после долгих препирательств между послом и правительством такая встреча состоялась. В большом зале Зимнего дворца собрались все министры и вельможи, императора в парадном платье вынесли и усадили в кресло. Маркиз де ла Шетарди в окружении членов французского посольства приблизился и, обращаясь к императору, произнес небольшую речь. А затем вручил верительную грамоту, которую «от имени его величества» приняла Анна Леопольдовна.

День рождения императора, 12 августа 1741 года, праздновался торжественно и пышно. Опять звонили колокола, палили пушки, развевались флаги, зажглась иллюминация. Высшее духовенство, вельможи и генералы съезжались во дворец на прием. Молодой поэт Михайло Ломоносов написал оду в честь годовщины правления Ивана III.

*Природы царской ветвь прекрасна,
Моя надежда, радость, свет,
Счастливых дней аврора ясна,
Монарх, младенец райской цвет...*

Чеканились монеты и памятные медали с его профилем, его именем издавались указы. А между тем царствование Ивана Антоновича подходило к печальному концу.

Цесаревна Елизавета Петровна плакала на обручении Анны Леопольдовны неспроста. Она словно оплакивала свою горькую судьбу Золушки при злой мачехе, тетке Анне Иоанновне, и равнодушной сестре (двоюродной). Оплакивала, казалось, последнюю надежду получить законное, хотя и не бесспорное, наследство Великого Петра.

И вот надежда вспыхнула вновь. Правление в России было слабым как никогда. Гвардейцы уже обращались к ней с предложением возвести ее на престол. Тогда цесаревна испугалась и умоляла своих доброхотов даже в мыслях такого не держать.

В сущности, ей бы жилось неплохо. Она была красавица, кокетка и модница, первая в танцах и пении, страстная охотница (и не только до дичи, но и до красавцев-мужчин). Но ненависть «ивановцев» и вообще старомосковской знати постоянно угрожала цесаревне. От нее давно хотели избавиться: выдать замуж куда-нибудь за границу или отправить в монастырь. К тому же цесаревна постоянно нуждалась в деньгах и часто влезала в долги.

И вот ей были предложены дружба, деньги, а в дальнейшем и помощь в возведении на трон от весьма влиятельных особ. Французский посол де ла Шетарди через личного врача цесаревны Лесто-

ка вступил с ней в тайные переговоры. Он выступал еще и от имени посла Швеции Нольткена. В это время Швеция готовилась к войне, чтобы взять реванш, вернуть себе территории в Финляндии и Прибалтике, которые и кормили королевство. Осмелев, Шетарди уже сам чуть не каждую ночь ездил во дворец Елизаветы. Самонадеянный дипломат воображал даже, что цесаревна влюблена в него и цель почти достигнута. Но Елизавета просто умела управлять мужчинами, причем так, что они об этом не догадывались. Она умудрилась не подписать

вы знаете, чья я дочь, ступайте за мною! – сказала цесаревна. – Все мы много натерпелись от немцев, освободимся от наших мучителей! Послужите мне, как служили моему отцу!» «Матушка, мы готовы!» – в один голос ответили гвардейцы.

Гренадеры вспороли кожи на полковых барабанах, чтобы нельзя было пробить тревогу, и выступили к Зимнему дворцу. Рота шагала быстро, а Елизавета, путаясь в юбках и увязая в глубоком снегу, не поспевала за ними. Тогда гренадеры подняли ее на руки и так несли до Зимнего дворца.

Еще в ту мятежную ночь, молясь перед иконами, Елизавета поклялась: в случае прихода к власти никого не предавать смертной казни. И клятву эту сдержала. И в отношении Брауншвейгской фамилии сначала приняла великодушное решение: «Из особой нашей природной к ним императорской милости, не хотя им причинить огорчений, с надлежащей им честью и с достойным удовольствием предав все их вышеписанные к нам разные предосудительные поступки крайнему забвению, всех их в их отечество всемилостивейше отправить повелели».

В ночь на 30 ноября Антон Ульрих, Анна Леопольдовна и двое их детей, Иван и Екатерина, в сопровождении пажей, фрейлин и слуг, под конвоем более трехсот солдат и офицеров тронулись в путь.

ни одного обязательства, даже когда дипломаты потребовали: либо подпись, либо деньги.

Война Швеции с Россией все равно началась, но неудачно для шведов. Шетарди продолжал свои ночные визиты. Тучи нависли над хорошенькой головкой цесаревны. Во-первых, ее действительно «опасные связи» стали известны, что в условиях войны могло быть расценено как государственная измена. Следовательно, теперь ее арест был бы оправдан. Во-вторых, приближенные Анны Леопольдовны уговаривали ее провозгласить себя императрицей, и регентша готова была согласиться: в самом деле, а что будет, если младенец умрет? В-третьих, гвардию выводили из столицы на войну, и Елизавета решила, что это делается нарочно, чтобы легче было расправиться с ней.

С этого момента изнеженная красавица и прожигательница жизни действова-

Караул не оказал сопротивления. Только один офицер обнажил шпагу, но тотчас был разоружен и арестован. И вот Елизавета приближается к покоям правительницы. Надо сказать, накануне с правительницей произошла неприятность: подходя к Елизавете, она споткнулась о ковер и упала к ногам цесаревны. Многие расценили это как зловещий знак. Но только не беспечная Анна Леопольдовна...

Войдя в спальню правительницы, Елизавета застала в ее постели Юлию Менгден. «Сестрица, пора вставать!» – произнесла цесаревна. Анна Леопольдовна умоляла не причинять зла ее детям и не разлучать ее с Юлией. Из соседних покоев вынесли младенца-императора. Елизавета взяла его на руки и сказала: «Бедное дитя, ты ни в чем не виноват!» Затем были арестованы генералиссимус Антон Ульрих, все министры и придворные, верные Брауншвейгской фамилии.

Итак, свершился переворот, назван-

И в ночь на 30 ноября Антон Ульрих, Анна Леопольдовна и двое их детей, Иван и Екатерина, в сопровождении пажей, фрейлин и слуг, под конвоем более трехсот солдат и офицеров тронулись в путь.

Но «крайнего забвения» не произошло. Уже в дороге командир конвоя генерал-аншеф В.Ф.Салтыков получил указание задерживаться сколько возможно на каждой остановке. Елизавета слала Салтыкову и особые женские запросы: вызвать у Анны Леопольдовны, где хранятся драгоценности (перечислялось, какие именно), не увезла ли она их с собой? Ежели увезла, отобрать и вернуть!

В первых числах января 1742 года низложенный император Иван III и вся Брауншвейгская фамилия были заключены в Рижский замок. С этого момента Иван Антонович содержался отдельно, и больше его никто не видел, кроме его стражей.

А в Санкт-Петербурге огласили указ императрицы с требованием сдать мо-

Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе. Репродукция с картины Евгения Лансере

ла быстро и решительно. В ночь с 24 на 25 ноября 1741 года Елизавета Петровна долго молилась пред образами, затем надела кирасу, набросила сверху шубу и вышла из дворца. В санях ее ждали Лесток, Воронцов и братья Шуваловы. Они отправилась в казармы гренадерской роты Преображенского полка. «Ребята,

ный в донесениях дипломатов не иначе как révolution. К утру уж был готов манифест о провозглашении Елизаветы Петровны императрицей и текст присяги. И снова звонили колокола, гремели пушки, народ и армия в едином порыве кричали «ура!» и «да здравствует императрица Елизавета, дочь Петрова!»

неты, отчеканенные в период между кончиной Анны Иоанновны и вступлением на престол Елизаветы Петровны. Вскоре последовал новый указ: надлежало сдать присяжные листы, документы, газеты и книги с упоминанием имени «принца Ивана» – так его теперь именовали. Бумаги были публично сожжены, а монеты

▶ переплавлены (сейчас серебряные рубли 1740 и 1741 года – самые ценные российские монеты).

Холмогорские узники

Переворот, совершенный Елизаветой, был исторически оправдан, но с точки зрения законности это была, конечно, узурпация власти. Заключив Брауншвейгскую фамилию под стражу, императрица словно расписалась в этом. Немного остывнув от révolution, Елизавета Петровна осознала: пока жив свергнутый император, будут и попытки вернуть его на престол. И такие заговоры возникли уже в первые месяцы елизаветинского правления и потом плелись. Что делать? Не убивать же невинное дитя и его семью! Нет, это даже не обсуждалось. Надо было сделать так, чтобы они жили, но их как будто бы и не было.

Узников повезли в глубь России, в крепость Раненбург (ныне город Чаплыгин в Липецкой области), Ивана Антоновича – отдельно, под именем Григория. Незадолго до этого Анна Леопольдовна родила третьего ребенка, девочку, ее окрестили Елизаветой. Наверное, несчастная мать хотела умиловить императрицу, но безуспешно. «Дщерь Петрова» подыскивала для родственников достойные «места». И в 1744 году указала на Соловки, откуда никто никогда не убежал и мало кто возвращался.

Этот переезд готовился тщательно и сугубо секретно. Узники именовались «некоторыми персонами». Руководившему поездкой камергеру барону Николаю Корфу было приказано везти «известную персону» отдельно от остальных и, кроме того, оставить в Раненбурге Юлиану Менгден, кормилицу Ивана Антоновича и его прислужницу. Барон пытался упростить императрицу не разлучать мальчика с кормилицей и прислужницей, дабы ребенок был покойнее. Но Елизавета так рассердилась на это заступничество, что порвала письмо Корфа. Можно представить, как переживала Анна Леопольдовна разлуку с любимой Юлией: еще до отъезда с ней случилось нервное расстройство.

Выехали 29 августа, в дороге Анне Леопольдовне стало совсем худо, лекарь «отворил ей кровь». Поездка была для всех очень тяжелой. Рано начались осенние дожди. За Вологодой уже выпал снег, прихватывали морозы. Вскоре стало ясно, что до цели добраться невозможно. Корф просил разрешения зимовать под Холмогорами, в доме архангельского архиерея. Это было подворье, напоминавшее крепостишку: несколько домов и церковь, обнесенные высоким деревянным забором. Высочайшее дозволение было получено, узники разместились в двухэтажных каменных палатах. Покои «известной персоны» и его семьи никак не сообщались, окна выходили на разные стороны. Родители даже не знали, что их сын находится здесь, рядом.

Императрица Елизавета Петровна

Все солдаты охраны, прислуга, священники тоже были отчасти арестантами – они не покидали архиерейского подворья, многие здесь и умерли.

Страдания окончательно сплотили семью, у Антона Ульриха и Анны Леопольдовны родились еще двое сыновей. Взрослые переносили лишения с поистине христианским смирением. Время проводили в занятиях с детьми, читали вслух, играли в шахматы, молились.

7 марта 1747 года после новых родов Анна Леопольдовна умерла. Ее тело было доставлено в Санкт-Петербург и погребено в Александро-Невском монастыре торжественно, но без лишнего шума, при этом покойницу именовали «Анна Брауншвейг-Люнебургская».

Меньше всего известно о самом секретном узнике – Иване Антоновиче. Кто и когда открыл ему, рискуя жизнью, что он законный император? Какая добрая душа научила его читать? Кто передал ему Священное Писание, которое Иван Антонович знал почти наизусть? Этого мы никогда не узнаем.

В 1756 году был раскрыт очередной заговор с целью выкрасть Ивана Антоновича и вывезти его из Архангельска морем за границу. Елизавета Петровна встревожилась и приказала перевести «известную персону» в Шлиссельбургскую крепость.

Остальные узники «Холмогорской секретной комиссии» жили по-прежнему,

Великий князь Пётр Фёдорович

Его похоронили «подле церкви внутри ограды дома, где арестанты содержатся».

Спусти четыре года Екатерина II отправила четверых уже взрослых принцев и принцесс в Данию, где правила тогда ее родственница, королева Юлиана Мария. Они доживали свой век в «золотой клетке», в купленном для них доме в маленьком городе Горсенсе. Но там, среди чужих людей, не зная языка и местных обычаев, они тосковали по России и в письмах умоляли императрицу вернуть их в Холмогоры. Последний приют все четверо нашли в специальной пристройке к Горсенской церкви, которая и поныне называется «русской капеллой».

Так завершились земные мытарства Брауншвейгской фамилии.

Шлиссельбургская Железная Маска

В полночь 31 марта 1756 года в один из казематов Шлиссельбургской крепости поместили шестнадцатилетнего арестанта Григория. В подробной инструкции коменданту крепости предписывалось, чтобы казарма, в которой находились арестанты, охранялась особой тюремной командой солдат и офицеров, им запрещалось покидать крепость. В камере Григория должен был постоянно находиться офицер или капрал, а если входил кто-либо, приносил еду или делал уборку, то арестанта надлежало скрыть за ширмой.

кашлял, на подушке находили пятна крови. Заболел даже старший офицер тюремной команды, к нему приезжал врач. Но не к Ивану Антоновичу. Тому присылали только шалфей и «сахар-леденец» от кашля. Да приказано было жечь в камере можжевеловые ветки для очищения воздуха.

Потом здоровье арестанта начало поправляться, но теперь он беспокоил начальство странным поведением. Капитан тюремной команды подозревал, что двое из караульных офицеров от скуки дразнят и пугают арестанта. «А хотя в нем болезни никакой не видно, только в уме несколько помешался, – говорится в донесении. – Каждый час раз по десяти говорит, что его портят шептаньем, дутьем, пусканьем изо рта огня и дыму...» Тот же капитан докладывал, что однажды услышал из каземата крик «и, вошед, увидел, что арестант держит против прапорщика стул и кричит, что убьет до смерти». При этом узник заявил: «Смеет ли он на меня кричать! Ему за то надлежит голову отсечь!»

Дошло до того, что капитан сам начал бояться таинственного заключенного и неоднократно просил начальство перевести его на другую службу: «Милостивый государь, истинно, я до такого состояния дошел, что почти сам безумен». Один раз арестант набросился на капитана, на помощь прибежали офицеры и связали узника.

Когда его осматривал медик, Иван Антонович говорил спокойно и рассудительно. Однако стоило врачу уехать, арестант опять начал бунить. Когда же капитан охраны попытался его унять, закричал: «Я здешней империи принц и государь ваш!» Из других донесений видно, что бывший монарх свободно владел и солдатской матерщиной.

Есть свидетельства, что Елизавета Петровна на десятый год царствования решила сама увидеть своего пленника. Его привезли в дом одного из близких ей вельмож, а сама императрица была одета в мужское платье, изображая доктора. Если такая встреча действительно состоялась, то зачем она понадобилась императрице? Можно предположить, что к тому времени Елизавета Петровна пригляделась к своему законному наследнику – Гольштейн-Готторпскому принцу Карлу Петру Ульриху (в скором времени – Петру III) и подумывала о запасном варианте. Разговор с Иваном Антоновичем должен был убедить ее, что шлиссельбургский узник не способен царствовать.

25 декабря 1761 года Елизавета Петровна умерла. Российский трон занял император Пётр III. Он освободил многих сановников, пострадавших при Елизавете. Многие полагали, что и участь Ивана

**Все солдаты охраны, прислуга, священники
тоже были отчасти арестантами –
они не покидали архиерейского подворья,
многие здесь и умерли.**

Собирались только перезимовать, а остались в Холмогорах – дети надолго, родители навсегда. Их заключение было строгим и секретным, но все же более напоминало домашний арест. Они не испытывали недостатка в еде, к столу подавались даже вино и водка. В доме было сухо и тепло. Хуже обстояло дело с одеждой и обувью. Антон Ульрих, например, отдавал свои кафтаны в переделку, чтобы из них пошили детские вещи. Их стражи были в основном люди не злые, хотя и грубые. В «Холмогорской секретной комиссии» – так по документам называлось место заключения – процветали воровство и пьянство, случались драки. Поначалу крепилась, а потом запивали даже попы.

дети выросли, отец старел. Из всех узников Антон Ульрих был наименее опасен для власти, планы его освобождения обсуждались еще при Елизавете. Пришедшая к власти в 1762 году Екатерина II сделала Антону Ульриху такое предложение. Но «старшая известная персона», как его теперь называли в донесениях, отказалась, в столицу ушла депеша: «Все усилия склонить принца Антона разлучиться с детьми были напрасны». А между тем Антон Ульрих был уже тяжело болен, у него распухли ноги, он страдал водяной и цингой, вдобавок почти совершенно ослеп. Принц Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебург-Вольфенбюттельский, генералиссимус и отец императора Ивана III, умер 4 мая 1776 года.

Кроме нескольких человек, никто не имел права видеть узника. Сам узник не должен был знать, кто он (он уже знал), где он находится, далеко ли от Петербурга или Москвы. Ему запрещалось давать бумагу или чернила. О его поведении, состоянии и о том, «что он о себе говорить будет», надлежало регулярно докладывать.

Камера была довольно просторной, с печью и зарешеченным окном. Питание обильное: в обед и ужин по пяти блюд, да в день по бутылке вина, по шести бутылок пива и «квасу потребное число». Но тюрьма никого не делала здоровее. В Шлиссельбурге здоровье Ивана Антоновича ухудшилось: «онный арестант перестал прежним в лице стал хуже», он часто

Антоновича будет смягчена. Но уже через неделю офицерам тюремной команды был объявлен указ, содержавший роковые строки: «В случае... если кто откажется арестанта у вас отнять, то сопротивляться сколько можно и арестанта живого не отдавать».

Весной того же года в каземат таинственного узника вошли несколько вельмож. Среди них инкогнито находился сам Пётр III. Если эта встреча действительно состоялась, то на ней два молодых человека, не ведая того, смотрелись как будто в некое зеркало: оба потомки двух германских герцогов, оба унаследовали короны от русских императриц, оба правили недолго, и оба были свергнуты своими родными. Несмотря на сугубую секретность этого свидания, его подробности уже через несколько дней были отправлены посольскими шифрованными депешами в разные страны. Британский резидент писал: «Император видел Ивана III и нашел его взрослым мужчиной, но в состоянии слабоумия. Его речь была бессвязна и дика. Он между прочим говорил: он не тот, за кого его выдают».

Вскоре Иван Антонович получил подарки: шлафрок, рубашки, чулки и туфли. А режим охраны был усилен – теперь в камере должны были постоянно находиться три офицера.

«Постригусь!»

Дни самого Петра III были сочтены. Его супруга Екатерина Алексеевна, по сце-

Для этого караульным офицерам было поручено склонять Ивана Антоновича к монашеству. Религиозный арестант сразу и охотно согласился. Наверное, он понимал, что монастырская жизнь лучше тюрьмы. Только не Геврасием соглашался быть, а почему-то Феодосием. Но шло время, дело не трогалось с места. А «промывка мозгов» продолжалась ежедневно, и Иван Антонович уже с раздражением отвечал на вопросы кратко: «Постригусь!»

Впрочем, екатерининская инструкция по охране шлиссельбургского узника содержала такое же строжайшее требование: «Арестанта умертвить, а живого никому в руки не давать».

Всеобщее ликование по поводу восшествия на престол Екатерины II продолжалось недолго, вскоре послышались и недовольные голоса. Осуждали и узурпацию власти, и мужеубийство, и возвышение безродных Орловых, вообще фаворитизм, да и чистокровная немка на

появился бы двойник-самозванец. Кто-то должен был разыграть эти три карты. Понтировал подпоручик Смоленского полка Василий Мирович.

Мирович опоздал

В исторической беллетристике, да и в некоторых научно-популярных сочинениях Мирович представлен чуть ли не борцом с тиранией, этаким предтечей декабристов. Кем был на самом деле этот человек? Что им двигало?

Мирович происходил из знатного украинского рода, который поддержал на свою беду гетмана Мазепу, предавшего Петра I. Имения и имущество Мировичей были конфискованы, его потомкам трудно было продвигаться по службе. Сам Василий был, несомненно, благородным и чувствительным юношей, не без способностей. Для выходца из опальной семьи он кое-чего добился: стал адъютантом генерал-аншефа Петра Панина. Но был он

ния его на трон. А тут еще императрица с огромной свитой отправилась в поездку в Лифляндию. Момент был самый благоприятный.

В ночь с 4 на 5 июля 1764 года Василий Мирович с командой солдат заступил в караул. Сначала он пытался уговорить офицеров охраны казармы впустить его внутрь. Те заподозрили недоброе, один из них побежал с докладом к коменданту крепости. Тогда Мирович поднял своих солдат по тревоге, арестовал коменданта и осадил казарму. Он зачитал своим солдатам заранее заготовленный манифест от имени императора Ивана III и повел команду на штурм. Но казарма была крепка, ее охрана сопротивлялась отчаянно. Мирович приказал прикатить пушку, направил ее на двери казармы и предложил охране сдаться. Он еще не знал, что Иван Антонович уже мертв. Офицеры охраны понимали, что долго им не продержаться, и закололи арестанта шпатами. Затем они впусти-

«Вы погубили великого человека,
и за это вас самих следует
заколоть штыками!» – закричал Мирович.
Но и это было теперь бесполезно.

Поручик Василий Мирович у трупы Иоанна Антоновича в Шлиссельбургской крепости. С картины Ивана Творожникова

нарию Елизаветы опираясь на гвардию, свергла своего мужа и 25 июля 1762 года стала императрицей Екатериной II. Она даже хотела поместить мужа по соседству с Иваном Антоновичем, да, видно, решила, что два свергнутых императора в одном каземате – это слишком. Тут Петру III помогли умереть «от колик» в Ропше, и «проклятый квартирный вопрос» был снят.

Впоследствии Екатерина II говорила, что и она виделась с Иваном Антоновичем (новые государи и государыни являлись к «безумному арестанту», как новички-чиновники на прием к начальнику). Проблема шлиссельбургского узника она хотела решить просто: склонить его к пострижению в монахи под именем Геврасия и заключить в дальний монастырь под строгий присмотр.

российском престоле мало кому нравилась. В таких случаях всегда вспоминают об альтернативном лидере, особенно о невинно обиженном. Опять заговорили об Иване Антоновиче, и не только в армии или в среде политических авантюристов, но и в народе: дескать, «принц Иван живет в деревне под Шлиссельбургом и многие офицеры и солдаты ему присягали и много людей из города к нему на поклон ездят». В Тайную канцелярию доставлялись подметные письма с призывами к бунту, к высылке незаконной императрицы «в свою землю». И далее в них говорилось: «А надлежит на царском престоле утвердить непорочного и неповинного царя Ивана Антоновича».

В такой обстановке Иван Антонович был словно обречен либо вернуться на престол, либо погибнуть, либо у него

к тому же самолюбив, азартен по натуре, имел пристрастие к карточной игре. Из-за картишек и пострадал – генерал Панин отослал его в армию.

Переворот и воцарение Екатерины II подпоручик встретил с надеждой и воодушевлением. Он написал два письма императрице: просил вернуть поместья и имущество ему, его брату и трем сестрам, а также намекал на свои невосребованные способности. Ответа не последовало. Мирович бедствовал и все больше озлоблялся.

С весны 1764 года Смоленский полк стоял в Шлиссельбурге. Офицеры с отрядами солдат посменно охраняли крепость (а казарму с арестантами, как мы помним, охраняла отдельная команда). Тогда и зародился у Мировича план освобождения Ивана Антоновича и возведе-

ли Мировича в каземат и показали ему труп. Все было кончено. «Вы погубили великого человека, и за это вас самих следует заколоть штыками!» – закричал Мирович. Но и это было теперь бесполезно. Мятельный подпоручик построил своих солдат, обнял и поцеловал каждого, поклявшись, что всю вину принимает на себя.

О последних минутах жизни «безумного арестанта» есть несколько свидетельств, но все они с чужих слов. Одни пишут, что Ивана Антоновича убили спящего. Другие – что он сопротивлялся и даже сломал одну из шпатов нападавших. Второе более вероятно. Узник не мог не проснуться от стрельбы, ведь он и прежде, бывало, чутко улавливал даже отдаленный праздничный салют и придумывал фантастические объяснения этой пальбе: мол, будто кто-то идет «взять его в полон». Или освободить?..

Ивана Антоновича похоронили следующей ночью там же, в Шлиссельбургской крепости. Где именно его могила – неизвестно. Стрельбу давешней ночи объясняли тем, что гарнизонные солдаты поссорились с армейскими, «а сие произошло ни от чего иного, как от пьянства».

Василий Мирович был казнен 15 сентября 1764 года (первая казнь за последние 23 года). Осужденный был спокоен. Люди, стоявшие вокруг эшафота, на крышах домов и на мосту, ждали помилования в последнюю минуту. Молодой капрал Гавриил Державин свидетельствовал, что «народ, необыкновенно видеть смертной казни... когда увидел голову в руках палача, единогласно ахнул и так содрогся, что от сильного движения мост поколебался и перила рухнули».

Ивану Антоновичу и Василию Мировичу было по 24 года.

«Галантный век!» Жестокие сердца!

* * *

Двадцать четыре года русской истории оказались незримо связаны несчастной судьбой свергнутого императора. Три царствования – Елизаветы, Петра III и частично Екатерины II – были омрачены незримым присутствием таинственного узника.

Искупил ли он безвинными муками грехи своих высокородных предков и современников?

Увы! Уже подрастал царевич Павел, «русский Гамлет»...

Иллюстрации из архива автора

Роковое наследство

КОРОЛЕВА ВИКТОРИЯ, ВОЗМОЖНО, БЫЛА ВНЕБРАЧНЫМ РЕБЁНКОМ, И ТОГДА ВСЕ ЕЁ ПРЯМЫЕ НАСЛЕДНИКИ, ВКЛЮЧАЯ ЕЛИЗАВЕТУ II, НЕ ИМЕЮТ ПРАВА НА БРИТАНСКИЙ ТРОН

■ Владимир АБАРИНОВ

Публикация 2011 года

Кровь – сок совсем особенного свойства.
Гёте «Фауст»

Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны –
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

Георгий Иванов

Было время, когда слова «европейская семья» имели буквальный смысл: монархи христианского мира состояли друг с другом в близком родстве. Короли – люди из плоти и крови, и сами они знают это лучше, чем кто бы то ни было из их подданных. Но случается, что кровь играет с ними злую шутку, и принадлежность к роду венценосцев превращается в проклятие.

Славный век Виктории

Родившись наследницей престола, принцесса Виктория легко могла этого звания лишиться. В декабре 1820 года герцогиня Кларенская Аделаида родила дочь, крещённую Елизаветой Георгиной Аделаидой, – как ребёнок старшего брата она имела преимущественное право наследования. Но уже в марте следующего года девочка умерла от «заворота кишок».

Принцесса Виктория получила суровое воспитание. Лишённая отца, братьев и сестёр, она находилась под неусыпным надзором и наказывалась за малейшую провинность; ей было отказано даже в праве на собственную спальню – она спала в одной комнате с матерью. Отца Виктории в значительной мере заменил дядя Леопольд – она звала его solo padre. Он уже в раннем детстве мысленно сосватал её своему племяннику Альберту, рассчитывая играть важную роль при дворе. Честолюбивые планы лелеяла и мать Виктории, вдова герцога Кентского, – в том случае, если бы Виктория взойшла на престол до наступления совершеннолетия, герцогиня стала бы регентшей.

Исключительную роль в ближайшем окружении герцогини играл отставной капитан ирландской армии Джон Конрой. Он был другом покойного Эдуарда Кентского, а после того, как герцогиня Виктория овдовела, стал управляющим всей её собственностью и, следовательно, особо доверенным лицом. Герцогиня всецело находилась под влиянием этого неординарного человека, который имел все основания питать радужные надежды на амплуа «серого кардинала» при дворе королевы Виктории. Конрой активно содействовал замужеству дочери герцогини от первого брака, принцессы Феодоры (она вышла за князя Эрнста Гогенлоэ-Лангенбурга). Конрой стремился изолировать юную Викторию, всеми силами ограждал её от знакомств, угрожавших его статусу. Он, в частности, отчаянно пытался сорвать визит в Лондон двоюродных братьев Виктории Альберта и Эрнста – будучи 17 лет от роду, она пригласила их по настоянию дяди Леопольда и тотчас по-детски влюбилась в обоих.

Виктория стала королевой в возрасте 18 лет и 27 дней. Незадолго до коронации она переболела тифом, и Джон Конрой не отходил от одра больной, тщетно пытаясь заполучить её подпись под документом о назначении его, Конроя, личным секретарем Виктории. Первое, что она сделала в «должности» монарха, – велела перенести свою кровать из спальни матери в отдельную комнату. К величайшему разочарованию Джона Конроя,

Сверху слева направо: герцогиня Виктория Лейнингенская с дочерью Викторией – будущей королевой; Эдуард Август, герцог Кентский; сэр Джон Конрой. Справа: королева Виктория и её премьер Бенджамин Дизраэли

она приняла премьер-министра лорда Мельбурна наедине, безапелляционно заявив, что и впредь будет поступать так же. Виктории удалось отстоять свою независимость и от дяди Леопольда: она мягко, но решительно дала ему понять, что не нуждается в его советах.

Однако от своего намерения поженить племянника и племянницу Леопольд не отказался. Спустя два года после коронации он устроил вторую поездку Альберта в Лондон. Тот отправился на Британские острова с твёрдым желанием положить конец беспочвенным фантазиям дядюшки. Аналогичное желание испытывала и Виктория, которой надоело состояние мнимой помолвки. Однако их встреча произвела ровно противоположный эффект. Альберт возмужал и превратился из подростка в обольстительного молодого мужчину. На третий день юная королева сделала ему предложение. (Согласно придворному протоколу, монарху нельзя предлагать руку – это всегда делает сам монарх.) Свадьбу сыграли 10 февраля 1840 года. Альберт стал принцем-консортом – супругом королевы без права наследования престола.

С первых же дней семейной жизни начались проблемы с родственниками. Мать королевы пожелала переехать к молодоженам в Букингемский дворец, а когда Виктория ответила отказом, заявила зятю, что родная дочь гонит её из дому. Свёкор, герцог Кобургский, настойчиво намекал невестке, что было бы не худо по-родственному заплатить из английской казны его многочисленным кредиторам.

Виктория забеременела спустя месяц после свадьбы и в ноябре 1840 года произвела на свет девочку, названную Викторией Аделаидой Марией Луизой, подомашнему – Вики.

Через три месяца после рождения первой дочери королева снова забеременела. На сей раз на свет появился мальчик – будущий король Эдуард VII. Следующим ребёнком была дочь Алиса, за которой последовали Альфред, Хелена, Луиза, Артур, Леопольд; девятым и последним ребёнком в семье была принцесса Беатрис, родившаяся в 1857 году. Все дети и особенно наследник воспитывались в чрезвычайной строго-

сти и уже в раннем возрасте подвергались порке; занятия продолжались с 8 утра до 7 вечера шесть дней в неделю. Родители загодя подбирали им партию. Старшая дочь Вики была представлена своему будущему мужу, кронпринцу Германии Фридриху (будущему императору Фридриху III) в возрасте 10 лет, в 17 помолвлена, а в 20 имела уже двоих детей (старший стал императором Вильгельмом II). Рано вышли замуж и три другие дочери, и лишь младшая Беатрис засиделась в девицах до 28 лет – мать никак не хотела расстаться с ней и держала её при себе в качестве компаньонки.

Один из девяти детей, Леопольд, страдал тяжким недугом – гемофилией. Клирики толковали болезнь как кару за нарушение библейского завета: при родах Леопольда была впервые применена новинка – анестезия хлороформом, а ведь Господь говорит познавшей грех Еве: «Умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей» (Быт., 3:16). Леопольд к тому же был нехорош собой и стал нелюбимым ребёнком в семье; он месяцами не видел мать

и рано почувствовал себя изгоем. Виктория до такой степени стыдилась своего младшего сына, что, отправляясь со всем семейством на отдых в загородное поместье Балморал, оставляла его в Лондоне на попечении нянек. Но, как часто бывает в таких случаях, юный страдалец компенсировал физические изъяны блестящим интеллектом. Виктория начала отдавать должное уму Леопольда, когда тому было шесть лет. Старшим другом Леопольда стала жена его брата Альфреда, великая княгиня Мария Александровна, дочь Александра II, которая тоже чувствовала себя одинокой в чужой стране.

Принц-консорт умер в декабре 1861 года после сильнейшей простуды. Королеве Виктории в момент смерти мужа было 42 года. Она погрузилась в бессрочный траур, в течение пяти лет кряду отказывалась произносить тронную речь в парламенте, каждую ночь клала на подушку рядом с собой портрет покойного супруга и засыпала с его ночной сорочкой в руках.

Леопольд окончил Оксфорд, стал одним из личных секретарей королевы и,

в отличие от наследника престола, имел доступ к секретным государственным бумагам. В 1880 году он побывал в США и Канаде и произвёл там настолько благоприятное впечатление, что канадцы просили королеву назначить его генерал-губернатором; но Виктория не могла обойтись без помощи и советов своего младшего сына и ответила отказом. Занимаясь государственными делами, Леопольд продолжал своё образование – он получил степень доктора гражданского права. Принц основал Королевскую консерваторию и вступил в масоны. В 1881 году Виктория пожаловала ему титул герцога Олбани и стала подыскивать невесту. В конце концов избранницей стала Хелена Вальдек-Пирмонт, сестра королевы Нидерландов Эммы Вильгельмины. От этого брака в феврале 1883 года родилась дочь Алиса.

Спустя год супруги на время расстались: Леопольду придворные доктора рекомендовали провести необычайно суровую зиму в Канне; Хелена же была на сносях и не могла сопровождать его. В марте Леопольд упал на лестнице каннского отеля и спустя несколько часов умер от кровоизлияния в мозг. В июле его вдова родила мальчика, названного Чарльзом. В 1900 году Чарльз унаследовал от своего дяди Альфреда титул герцога Саксен-Кобург-Готского и переехал в Германию. Впоследствии он сыграл важную роль в возвышении Гитлера.

Гемофилия, как и было сказано

Гемофилия – наследственное заболевание, выражающееся в нарушении механизма свёртываемости крови. Больной страдает кровотечениями даже при незначительных травмах и спонтанными кровоизлияниями во внутренние органы и суставы, что ведёт к их воспалению и разрушению. Гемофилии подвержены почти исключительно мужчины; женщины выступают её носителями, передавая своим детям хромосому X с дефектными генами, определяющими отсутствие или недостаточность в плазме крови факторов сворачиваемости – фактора VIII, фактора IX или фактора XI. Соответственно первая форма заболевания называется гемофилией А, вторая – гемофилией В, третья – гемофилией С. Болезнь по сей день неизлечима, применяются лишь поддерживающие меры, прежде всего регулярные инъекции недостающих факторов, полученных из крови доноров.

Что было известно о характере болезни в викторианские времена? Её умели диагностировать и описать, но не умели помочь пациенту, поскольку не понимали природы его недуга. Наиболее ранний из описанных случаев датируется вторым веком нашей эры: некий раввин разрешает женщине не обрезать сына, после того как двое его старших братьев истекли кровью и умерли при операции. Однако еще в XIX веке семья украинских евреев потеряла десятерых сыновей, страдавших гемофилией и скончавшихся в результате обрезания. В 1803 году американский врач Джон Отто опубликовал классическое описание болезни – ему был ясен наследственный характер гемофилии, и он проследил корни подверженной ей семьи почти на столетие назад. Но механизм передачи наследственных признаков оставался тайной.

Первооткрыватель этого механизма – моравский аббат-августинец Грегор Мендель, основоположник генетики. Результаты своих опытов по скрещиванию гороха он опубликовал в 1866 году, а умер в 1884-м, оставаясь непризнанным гением. Биохимическая структура молекулы – способ, посредством которого она переносит генетическую информацию, – была открыта лишь в середине прошлого столетия учеными Кембриджского университета Фрэнсисом Криком и Джеймсом Уотсоном, получившими за это Нобелевскую премию в 1962 году.

В XIX веке попытки лечения зачастую лишь усугубляли страдания гемофиликов. Им ставили пиявки, банки, открывали вены, вскрывали суставы, дабы превратить внутреннее кровоизлияние во внешнее. Эти меры сплошь и рядом приводили к трагическим результатам. Тем не менее еще в 1894 году знамени-

Дядя Виктории Леопольд Саксен-Кобургский с женой Шарлоттой

тый врач и непререкаемый авторитет сэр Вильям Ослер, которого Виктория пожаловала в рыцари (его заслуги перед медициной действительно велики), рекомендовал для лечения гемофилии кровопускание. Физиологи догадывались, что причина болезни кроется в отсутствии или нехватке какого-то вещества в крови пациента. Спустя три года после коронации Виктории и задолго до рождения принца Леопольда лондонский врач Самюэль Армстронг Лэнс применил для лечения 12-летнего гемофилика переливание крови. Это был абсолютно верный шаг, но беда в том, что медицина того времени не имела понятия о совместимости различных групп крови, и метод Лэнса был реабилитирован лишь в 1930-е годы. И только в 1960-е годы д-р Кеннет Бринкхауз из университета Северной Каролины открыл методы выделения, концентрации и консервации фактора VIII, благодаря чему гемофилики смогли делать себе инъекции самостоятельно. Однако в 1980-е годы на человечество свалилась новая напасть – СПИД, и вместе со спасительным раствором больные получали смертоносный вирус, до тех пор пока учёные не научились выявлять наличие вируса иммунодефицита в крови.

Леопольд получил дефектный ген от матери, королевы Виктории. От кого получила его королева? Её отец, герцог Кентский, гемофиликом не был. Носителем должна была быть её мать, герцогиня Виктория. В этом случае можно ожидать, что злополучный ген оказался и на других её потомках. В первом замужестве герцогиня имела двоих детей, Карла и Феодору, – единоутробных брата и сестру королевы Виктории. Карл был здоров, следовательно, не мог передать болезнь своим детям. Феодора родила пятерых детей, в том числе троих мальчиков – ни один из них не имел симптомов гемофилии. Однако девочки могли оказаться носителями. Старшая дочь Феодоры Аделаида произвела на свет обширное потомство – четверых дочерей, одна из которых умерла во младенчестве, и троих вполне здоровых сыновей; её средняя дочь Каролина Матильда родила девятих детей, но ни они, ни их дети, то есть праправнучки Виктории – предполагаемого переносчика болезни, – ни малейших признаков гемофилии не выказали. Младшая дочь Феодоры, тоже Феодора, имела двух сыновей, опять-таки ни в коей мере гемофилией не страдавших (один из них, кстати говоря, попал в годы Второй мировой войны в советский плен и умер в 1946 году в мордовском лагере).

Но что, если подняться вверх по генеалогическому древу королевы Виктории? Не страдал ли гемофилией кто-либо из её предков-мужчин? Родословная Виктории прослежена вплоть до семнадцатого колена, и именно на предмет гемофилии. Эту кропотливейшую работу проделали в 1911 году, уже после смерти королевы, члены британского Общества евгеники Уильям Буллок и Пол Филдс. Плод их трудов хранится в виде двух свитков в библиотеке Королевского медицинского общества; он никогда не публиковался по простой причине: исследователи не смогли найти, как ни старались, среди предков королевы Виктории, в числе

коих значатся представители знатнейших европейских династий и королевских домов, ни одного гемофилика. Одно из двух: либо порочный ген мутировал, когда будущая королева была ещё эмбрионом в чреве своей матери, либо она не родная дочь герцога Эдуарда Кентского. Вероятность мутации составляет один шанс из 25 тысяч. Вероятность адюльтера, учитывая тогдашние нравы, напротив, весьма высока.

Личная жизнь герцога Кентского

Брак герцогини Лейнингенской и Эдуарда Кентского был заключён не по любви, а по расчёту – Эдуард рассчитывал женитьбой поправить свои финансовые дела. Герцогу Кентскому в год свадьбы шёл уже шестой десяток, у него были изрядное брюхо и лысина, а вдовушке – всего 32. До свадьбы они встретились лишь однажды, когда Эдуард приезжал на смотрины в Аморбах. Ради матримониальных планов герцог был вынужден расстаться с мадам Сен-Лоран, с которой прожил душа в душу 27 лет. Детей у них как будто не было – пусть незаконнорожденных, но признанных отцом, как были признаны Вильгельмом IV его внебрачные дети; и это наводит на подозрения: уж не был ли Эдуард бесплоден?

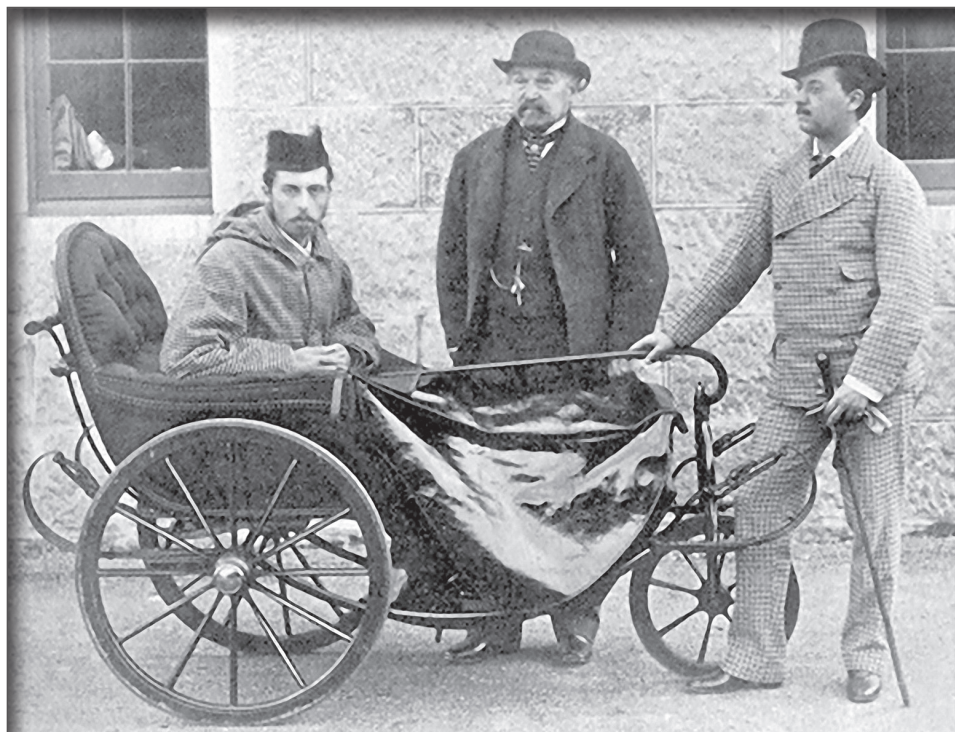
Вопрос не так прост, как может показаться. Королева Виктория сделала всё, чтобы стереть память о французской подруге своего отца. На основании различных косвенных свидетельств исследователями высказывались предположения о том, что у герцога Кентского и мадам Сен-Лоран дети были, причём, по некоторым подсчётам, их было не менее семи. Однако историк Молли Гиллен, тщательно изучившая сохранившиеся архивные документы, особенно финансовые, пришла к выводу, что герцог не имел потомства от мадам. Кто из двоих был бесплоден?

От мадам-то у Эдуарда детей не было, зато была внебрачная дочь от другой молодой французки, с которой он познакомился в студенческие годы в Женеве. История даже попала в газеты, и разгневанный король Георг III фактически сослал сына в Гибралтар на военную службу. Историки установили личность юной пассии принца и выяснили, что в декабре 1789 года она умерла родами, произведя на свет младенца женского пола, наречённого Аделаидой Викторией Августой и отданного на попечение сестре покойницы, которой Эдуард затем выплачивал денежное содержание вплоть до 1832 года.

Эдуард был убеждён, что он – первый мужчина своей пассии. Однако Молли Гиллен собрала убедительные свидетельства того, что Тереза Бернардин не была девицей в момент знакомства с герцогом Кентским. Она была куртизанкой высшего класса: умение предохраняться входило в число её профессиональных навыков. Но трудно избежать искушения забеременеть, когда твой любовник – лицо королевской крови. Как бы то ни было, никаких сведений о её беременностях не сохранилось.

«Надеюсь, мне достанет сил исполнить мой долг», – писал Эдуард Кентский другу накануне свадьбы с герцогиней Лейнингенской. Ситуация в вопросе о наследнике была острой. Первое венчание состоялось в Кобурге 29 мая 1818 года, после чего молодожены отправились через Брюссель в Лондон, где 11 июля состоялась повторная церемония. После этого супруги прожили два месяца в Лондоне, в Кенсингтонском дворце, но Виктории никак не удавалось забеременеть. В сентябре пара вернулась в Аморбах. Там герцогиня наконец зачала. Но Эдуард решил, что его ребенок должен родиться на английской земле. Парламент выдал ему только шесть тысяч фунтов из обещанных 25. Герцогу пришлось одалживать деньги на обратную дорогу. Не имея возможности нанять кучера, он сам сел на козлы экипажа, набитого до отказа. В нём поместились его жена, его падчерица, сиделка, горничная, две комнатные собачки и клетка с канарейками. Во второй карете ехали прислуга, доктор и акушерка мадам Сибольд. Некая английская путешественница не поверила своим глазам, увидев где-то на европейском проселке этот «обшарпанный караван» с принцем на кучерском месте.

Будущая королева Виктория появилась на свет совершенно здоровым и, вероятно, доношенным ребенком. Это значит, что зачата она была, скорее всего, в Англии в августе 1818 года. Этот период жизни герцога и герцогини Кентских довольно подробно описан в «Придворных известиях». Так, например, с 6 по 12 августа они гостили в Клермон-Хаус у брата герцогини Леопольда. Именно 12-го было объявлено о беременности герцогини Августы Кембриджской – её ребёнок мог стать наследником престола, если бы брак Эдуарда и Виктории оказался бездетным. Интересно, что в тот

Сын Виктории, больной гемофилией Леопольд, в инвалидной коляске

► же день супруги вернулись к себе в Кенсингтонский дворец; Леопольд же отправился с поздравлениями в дом герцога Адольфа Кембриджского, а вечером приехал к Кентам на обед. Трудно предположить, что после проведенных вместе шести дней у них была иная тема разговора, помимо возможного наследника.

Безутешный молодой вдовец Леопольд далеко ещё не поставил крест на своих амбициях. Едва не превратившись, волею судьбы и благодаря собственной настойчивости и авантюжной внешности, из заштатного немецкого принца в отца наследника британской короны, он питал теперь надежды на брак своей сестры, которому всячески содействовал; мудрый дядя при венценосном племяннике или племяннице – тоже недурное амплуа и хороший шанс заполучить один из европейских тронов (этот план полностью оправдался). Что, если сестра сообщила ему о бесплодии герцога? Смирится ли бы Леопольд с крахом радужных надежд? Впрочем, и сама Виктория была дама опытная и в особом благочестии не замеченная. Конечно, вероятность того, что её внебрачным партнером оказался гемофилик, невелика. Но она всё же гораздо выше, чем вероятность генной мутации.

Комплекс бастарда

В характере Виктории Кентской была одна резко выделяющаяся черта, о которой упоминают мемуаристы. Внебрачные дети герцога Вильгельма Кларенского от Доротеи Джордан, общим числом 10 человек, после восшествия своего отца на престол получили фамилию Фицкларенс и дворянские титулы и с полного согласия и одобрения королевы Аделаиды были приняты при дворе. Так вот, герцогиня Кентская всякий раз реагировала на их появление с демонстративным осуждением – она немедленно покидала помещение и говорила знакомым, что никогда не допустит, чтобы её дочь общалась с «бастардами», ибо как в таком случае научить её отличать порок от добродетели? Уж не срабатывал ли в этом случае фрейдистский механизм моральной компенсации за собственный грех?

Светский мемуарист Чарльз Гревилл, автор множества тонких наблюдений, вхожий в силу происхождения и по долгу службы (он был клерком Тайного совета) в Букингемский дворец при трех монархах, не сомневался, что у герцогини есть любовник и что любовник этот – сэр Джон Конрой.

Гревилл пришёл к этому выводу на основании двух обстоятельств: общеизвестной ненависти королевы Виктории к управляющему имением своей матери и необъяснимого и внезапного удаления в 1829 году из Кенсингтонского дворца баронессы Спэф, служившей герцогине Кентской компаньонкой четверть века, – выглядело это так, будто баронесса разгласила некие интимные тайны дома Кентов. Баронесса находилась в одной из карет «обшарпанного каравана» во время спешного возвращения семейства из Германии в Англию (Виктория была на седьмом месяце беременности). Она оставалась в доме после

смерти герцога. Но когда будущей королеве Виктории было 10 лет, баронессу вдруг отослали к черту на кулички – в Лангенбург: она стала фрейлиной единоутробной сестры наследницы британского престола принцессы Феодоры. Об этой отставке или, если угодно, ссылке много говорили в свете. Герцог Веллингтон, комментарий которого записан Гревиллом, предполагал, что юная Виктория застала мать и Конроя в неподобающей ситуации, стала приставать с расспросами к баронессе, а та не выдержала и нарушила обет молчания.

Веллингтон предполагал, что та же участь ждёт и Луизу Лецен – любимую гувернантку наследницы. Эта гипотеза косвенно подтверждается письмом Леопольда, в котором он пишет Лецен: «Не прояви я твердость, вы последовали бы за баронессой Спэф».

деюсь, ничего не подцепил». О герцоге Кумберлендском говорили, что он, возможно, отец ребёнка своей незамужней сестры Софии.

В пользу легитимного происхождения Виктории говорит её портретное сходство с герцогом Кентским и его отцом королем Георгом III: то же круглое лицо со срезанным подбородком, тот же мясистый нос, те же пухлые губы бантиком, высокий выпуклый лоб и голубые глаза. Кроме того, нет никаких свидетельств наличия в окружении герцогини Кентской гемофилика, подходящего для адюльтера. Поэтому версия мутации гена при всей её маловероятности остаётся в силе.

Картину искажает и усложняет другой генетический дефект – порфирия, терзавшая британский королевский дом на протяжении столетий, начиная с Марии

болезнь добралась до Георга III, деда королевы Виктории. Симптомы порфирии наблюдались и у принца-регента, впоследствии Георга IV, а возможно, и у его жены королевы Каролины, праправнучки Фридриха Вильгельма I. Если это так, то их единственная дочь принцесса Шарлотта получила ген порфирии сразу по обоим линиям. Порфирией был болен и отец королевы Виктории Эдвард Кентский, однако на нём болезнь чудесным образом прекращается: ею не страдали ни сама Виктория, ни кто-либо из её многочисленного потомства. Правда, согласно современным исследованиям, ею болела внучка Виктории, сестра кайзера Вильгельма II Шарлотта, передавшая его своей единственной дочери Феодоре, но она могла унаследовать ген порфирии по мужской линии – от своего отца Фридриха III. Недавно появились сообщения о том, что порфирией страдали также Вики – супруга Фридриха III, старшая дочь королевы Виктории, и праправнук Виктории, кузен нынешней королевы принц Уильям Глостерский, разбившийся в 1972 году на самолете, которым он сам управлял. Однако эти сведения ненадежны.

Ген, уничтоживший Россию

Мать Николая II, императрица Мария Фёдоровна была дочерью короля Дании Кристиана IX и в девичестве звалась Дагмарой. Её старшая сестра Александра была замужем за британским монархом, старшим сыном королевы Виктории Эдуардом VII. Таким образом, будущий царь и сын Эдуарда, впоследствии король Георг V, приходились друг другу двоюродными братьями; они были так похожи, будто были не кузенами, а однойцевыми близнецами. Сходство забавляло и их самих, и всех родственников: Николай и Георг носили усы и борода одинакового фасона и часто фотографировались вместе.

В июне 1884 года вторая дочь королевы Виктории Алиса Гессенская выдала старшую дочь Элизабет за великого князя Сергея Александровича, дядю Николая; она приняла православное крещение и стала называться Елизаветой Фёдоровной. На их свадьбе в Петербурге 16-летний Николай и увидел впервые 12-летнюю сестру невесты – Александру, или Аликс, как звали её в семье.

Когда Аликс было шесть лет, вместе с сестрами и матерью она заболела дифтерией; сама поправилась, но мать и самая младшая сестренка Мэри двух лет от

Вверху слева: Георг V и Николай II. В центре: церемонии их коронации. Справа: наследник российской короны Алексей с матерью Александрой Фёдоровной

Стюарт. Порфирия, или порфириновая болезнь (от греческого porphyreos – пурпурный), – редкое наследственное заболевание, выражающееся в нарушении механизма синтеза порфиринов (пигментов). Промежуточные продукты синтеза скапливаются во внутренних органах и тканях, особенно в печени, и причиняют сильные мучения, а затем выводятся из организма с мочой и калом, окрашивая их в пурпурный цвет.

Порфирией страдал сын Марии Стюарт Иаков I и его сын принц Генри, которого недуг свёл в могилу. Эта болезнь была причиной бесплодия королевы Анны, правнучки Иакова I, из-за чего престол перешёл к Ганноверскому дому – правнуку Иакова Георгу, курфюрсту Ганноверскому, вззошедшему на престол под именем Георга I; от него порфирия передалась дочери Софии Доротее, которая вышла замуж за короля Пруссии Фридриха Вильгельма I Гогенцоллерна и стала матерью Фридриха II Великого, а по мужской линии

роду умерли. Аликс не только осиротела, но и осталась самым младшим ребёнком в семье великого герцога Гессенского Людвига IV. Это событие наложило неизгладимый отпечаток на характер Аликс: из вечно смеющегося, беззаботного ребёнка она превратилась в существо замкнутое, упрямое и вспыльчивое. Внучку взяла к себе на воспитание королева Виктория. Никто не знал, что покойница мать была носителем гена гемофилии, и что Аликс стала носителем тоже.

В апреле 1894 года в Кобурге, куда по случаю свадьбы брата Аликс Эрнеста и его двоюродной сестры Виктории Мелиты (она была дочерью второго сына королевы Виктории герцога Альфреда Эдинбургского и великой княгини Марии Александровны, дочери императора Александра II) съехались венценосные особы со всей Европы, между наследником русского престола и внучкой королевы Виктории произошло объяснение. «Говорили до 12 часов, – записал Нико-

Вверху: королева Елизавета с мужем и дочерьми (1937 год);
справа: Елизавета II. Внизу: Каролина Монакская
с мужем Эрнстом Августом Ганноверским и дочерью

лай в своем дневнике, – но безуспешно: она всё противилась перемене религии, она, бедная, много плакала...» Там же, в Кобурге, было объявлено о помолвке. Подготавливая династический брак, в Лондоне и Санкт-Петербурге взвешивали политические последствия. О последствиях генетических не подумал никто. Лишь в 1913 году, когда Николай задумал выдать свою старшую дочь Ольгу за румынского кронпринца Кароля, его мать – она была другой дочерью Альфреда Эдинбургского – решительно воспротивилась затее именно на этом основании.

Дальнейшее известно: гемофилия достигла единственного сына императора царевича Алексея. И на целом свете был только один человек, способный облегчить страдания наследника, – Григорий Распутин. О том, что Алексей тяжело болен, и о силе распутинских чар за пределами узкого семейного круга никто не знал.

О том, что ребёнок болен гемофилией, и он сам, и его родные обычно узнают тогда, когда он учится ходить, а значит – падает и набивает шишки. Для гемофилика каждое такое падение может закончиться трагически. Царица прекрасно знала, что такое гемофилия: ею страдал её брат Фредерик Уильям. Мальчику было три года, когда он выпал из окна первого этажа. Он не сломал ни единой кости и не получил серьезных травм, но в тот же вечер скончался, как дядя Леопольд, от кровоизлияния в мозг. Гемофиликами были два племянника Аликс – дети её сестры Ирен.

Необходимость скрывать тайну дома Романовых повлекла за собой изоляцию царской семьи, её вынужденное затворничество. Атмосфера, создававшаяся в результате при императорском дворе, во многом стимулировала тот кризис власти, который привёл к втягиванию России в Первую мировую войну, последующим революциям и краху российской государственности.

Чума на все ваши дома

Бойкий дядюшка Леопольд и на бельгийском троне продолжал, как заправская сваха, устраивать судьбы своих родственников. Когда в 1835 году неожиданно умер муж королевы Португалии Марии II, Леопольд спешно снарядил в дорогу своего племянника Фердинанда. Дельце выгорело – племянник стал королем-консортом. Мария родила ему 11 детей и в 1853 году скончалась; Фердинанд превратился в регента при малолетнем короле своем сыне Педро.

Гораздо менее удачной была другая затея Леопольда. Он выдал дочь Шарлотту за австрийского эрцгерцога Максимилиана, который в 1864 году был провозглашён императором Мексики. Но мексиканцы не оценили проект – они казнили новоявленного монарха; Шарлотта вернулась домой и лишилась рассудка; остаток жизни она провела в уединении.

Наконец, Леопольд принял живейшее участие в устройстве брака своей вну-

той племянницы и молодого короля Испании. Речь идёт о потомстве Беатрис, младшей дочери королевы Виктории. Она была сильно привязана к матери и вышла замуж лишь в 28 лет за принца Генриха Баттенберга, но и в замужестве продолжала жить с Викторией. Когда королева стала глухнуть, Беатрис читала ей вслух государственные бумаги. В 1896 году её муж умер от лихорадки в Западной Африке. К этому времени Беатрис успела родить от него трех сыновей и дочь.

Как и её старшая сестра Алиса, Беатрис была носителем гена гемофилии. Болезнь передалась двум сыновьям, один из которых истёк кровью на операционном столе, а другой скончался от ран, полученных в сражении под Ипром. Носителем дефектного гена стала дочь Беатрис, Виктория Евгения. Её-то и выдали за короля Альфонсо XIII,

которому в то время едва исполнилось 20 лет. Брак этот оказался несчастлив. Гемофиликом родился их старший сын Альфонсо. Следующий, Хайме, появился на свет глухонемым. Третий умер при рождении – ему не успели дать имя. Гемофиликом оказался и пятый сын, Гонсало. Испанцы особенно чувствительны к вопросам крови – именно им принадлежит выражение «голубая кровь». В народе циркулировали зловещие слухи, что в королевском дворце ежедневно убивают по одному молодому солдату, дабы свежей кровью поддержать жизнь больных принцев.

После начала в 1931 году республиканского мятежа Альфонсо XIII покинул страну, но отрекся от престола только в январе 1941 года, за полтора месяца до смерти. Его сыновья, обвинявшие в своих недугах мать, искали забвения в вихре

развлечений, беспрестанно меняя гоночные машины и женщин. Дон Альфонсо женился на кубинке без отеческого благословения, но спустя четыре года развелся, второй брак, с кубинкой же, продолжался всего полгода. В сентябре 1938-го в Майами Альфонсо ехал в машине с певицей ночного клуба. За рулем сидела дама. Автомобиль врезался в

телеграфный столб. Альфонсо поранился не сильно, но умер от потери крови. Детей у него не осталось – эта ветвь заглохла еще при жизни Альфонсо III. Второй брат, глухонемой Хайме, тоже был женат дважды и произвел на свет двоих сыновей, ни один из которых гемофилией не страдал. Ещё в 1933 году Хайме отказался от своих прав на испанский престол. После смерти отца он унаследовал от него титул герцога Анжуйского и стал одним из законных претендентов на французский трон.

Дело в том, что потомки короля Луи Филиппа I, графы Парижские, которые обычно признаются претендентами, наследуют трон не по прямой линии – они происходят от брата Людовика XIV, герцога Филиппа Орлеанского. А испанские Бурбоны – прямое потомство внука Людовика XIV, герцога Филиппа Анжуйского, который взойшёл в 1700 году на испанский трон под именем Филиппа V. После смерти Хайме в 1975 году титул и право наследования перешли к его старшему сыну Альфонсо, который погиб в 1989 году, катаясь на горных лыжах в штате Колорадо. Старший сын Альфонсо, дон Франсиско умер в возрасте 12 лет, поэтому титул герцога Анжуйского и Бурбонского носит сейчас его младший брат, Луис Альфонсо.

Пятый сын Альфонсо XIII, Гонсало, погиб в 1934 году в Австрии тоже в результате несчастного случая. Он ехал в автомобиле, которым управляла его старшая сестра Беатрис. В результате аварии дон Гонсало получил не опасные для жизни травмы, но, будучи гемофиликом, скончался от кровотечения. И лишь четвертый, Хуан, родился здоровым. Именно он стал отцом нынешнего короля Испании Хуана Карлоса I.

Для того чтобы точно установить происхождение королевы Виктории, необходима экспертиза ДНК. Букингемский дворец не комментирует публикации на эту тему – ясно, что об эксгумации останков Виктории не может быть и речи. Некоторые из её ныне здравствующих потомков могли проходить генетическое исследование – результаты такого анализа можно было бы сравнить с результатами анализа ДНК представителей других ветвей Ганноверского дома. Но эти сведения составляют не только врачебную, но и, по всей видимости, государственную тайну.

Историк Джон Рёль и биохимик Мартин Уоррен, занимавшиеся изучением случаев порфирии среди британских монархов, в своё время добились от властей Тюрингии, тогда ещё социалистической, разрешения на вскрытие могилы принцессы Феодоры, племянницы кайзера Вильгельма, а потом в Польше эксгумировали и могилу её матери Шарлотты. Но полученного генетического материала для выяснения вопроса об отце Виктории мало.

Если предположить, что Виктория – внебрачный ребенок, то тогда все её прямые наследники (а после Виктории корона к боковым ветвям не переходила), включая нынешнюю королеву, не вправе занимать британский трон. Права на него не имеют ни принц Чарльз, ни его дети Уильям и Генри. Кто же должен был унаследовать престол после Вильгельма IV и кто должен быть королем Великобритании сегодня?

Если бы Виктории было отказано в праве наследования, корона Британской империи перешла бы к её дяде, герцогу Кумберлендскому Эрнсту Августу. От брата Вильгельма он унаследовал титул короля Ганновера, который не передавался по женской линии, и вступил на ганноверский престол в 1837 году под именем Эрнста Августа I. С этого момента на Британских островах ганноверская ветвь пресеклась. Прямой потомок герцога Кумберлендского, тоже Эрнст Август Ганноверский, – муж принцессы Каролины Монакской, старшей дочери князя Ренье III. От Эрнста Августа право наследования перейдёт к его старшему сыну, опять-таки Эрнсту Августу.

Нам остаётся лишь повторить вслед за булгаковским персонажем: «Вопросы крови – самые сложные вопросы в мире».

Иллюстрации из архива автора

**ДВАДЦАТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА
КАЗНИЛИ «ЗА ФАМИЛИЮ»**

Граждане

■ **Борис СОПЕЛЬНЯК**

Публикация 2004 года

О трагической судьбе Николая II и его семьи написано и рассказано немало, а вот о его родных и двоюродных братьях, о его старших наставниках – братьях его отца Александра III – почти ничего не известно, кроме того, что двадцать из 65 представителей Дома Романовых были казнены большевиками. За что? Никто из них не воевал на стороне белых, не организовывал заговоров с целью свержения советской власти, не пытался вывезти несметные богатства.

Поразительно, но факт: восемьдесят лет никто в нашей стране не пытался разобраться в этой трагедии и, главное, реабилитировать великих князей как жертв политических репрессий. Лишь в 1996-м представители Санкт-Петербургского общества «Мемориал» обратились в прокуратуру «северной столицы» с кратким письмом:

«В соответствии со ст. 6 Закона о реабилитации просим реабилитировать репрессированных по политическим мотивам (расстреляны в январе 1919 года в Петропавловской крепости) великих князей: Романова Георгия Михайловича, Романова Николая Михайловича, Романова Дмитрия Константиновича и Романова Павла Александровича».

Три года шла переписка, три года со скрежетом буксовала чиновничья машина, и вот, наконец, летом 1999-го появился уникальный документ – «Заключение по материалам уголовного дела арх. № 13-1100-97».

«Президиумом ВЧК от 9 января 1919 года, – говорится в нем, – утвержден приговор ВЧК (дата неизвестна) к высшей мере наказания «членов бывшей императорской Романовской семьи», который приведен в исполнение 24 января 1919 года.

На Романовых Николая Михайловича, Дмитрия Константиновича, Георгия

Вверху: Николай II (крайний слева), великий князь Сергей Александрович (крайний справа) и его супруга Елизавета Фёдоровна (сидит вторая слева) в кругу близких. Внизу: внуки Николая I – Николай Михайлович, по-семейному Бимбо (слева), и Георгий Михайлович, Гоги

Михайловича и Павла Александровича распространяется действие ст.ст. 1,3 п. «б» Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий».

Справки о реабилитации выданы Лукьянову Г.Ю., представляющему по доверенности ЕИВ Великую княгиню Леониду Георгиевну Романову...»

Но почему лишь на четверых великих князей распространилось действие этого закона? Да потому, что на других нет бумажки. А согласно ныне действующему закону, реабилитировать кого бы то ни было можно лишь при условии, если есть документы, подтверждающие применение репрессий по политическим мотивам. Такими документами могут быть официальные решения судебных, несудебных или административных органов. Но то ли большевики проявили чрезмерную предусмотрительность, то ли на бумажную волокиту им было плевать, только сотрудники отдела реабилитации жертв политических репрессий перерыли чуть ли не тонны бумаг, прежде чем нашли уже известный нам протокол заседания президиума ВЧК, в котором утверждается приговор лицам «быв.имп.своры».

Этой торопливо написанной бумажонки было достаточно, чтобы расстрелять великих князей, но ее же было достаточно и для того, чтобы их реабилитировать. Что касается других жертв, то ни в одном, даже самом секретном архиве каких-либо зацепок найти не удалось.

Но разве те, кого без суда и следствия расстреливали в подвале, в лесу или сталкивали в шахту, не жертвы политических репрессий?

И что мы знаем о тех, кто отныне перед историей чист, и о тех, кто формально до сих пор считается расстрелянным за дело?

Князь Бимбо

Откуда взялось это прозвище, никто не знает, но в семье Романовых Николая Михайловича звали только так. Сказать, что он был большим оригиналом и даже социалистом, значит почти ничего не сказать. Будучи старшим сыном Михаила Николаевича, который, в свою очередь, был младшим сыном Николая I, великий князь Николай выбивался из когорты своих родных и двоюродных братьев. Он

терпеть не мог муштру, шагистику, пушки, ружья и сабли, иначе говоря, армию, но его заставили окончить военное училище и поступить в Кавалергардский полк. Он обожал науку, особенно историю, с увлечением собирал коллекцию насекомых, любил кабинетную тишь, а ему приходилось ходить на разводы, в караулы и участвовать в парадах. Он имел склонность к шалостям, розыгрышам, шуткам, а его заставляли болтаться в свите императора, да еще на строго отведенном месте.

Время от времени терпение Николая Михайловича лопалось, и он откалывал забавные фортели, за которые потом все-раз расплачивался. Только за то, что он посмел проехать мимо резиденции императора на обычном извозчике, да еще в расстегнутом пальто и с сигарой в зубах, Александр III дважды сажал его под арест.

По большому счету великий князь был эдаким плейбоем того времени. Он то проигрывал, то выигрывал бешеные деньги в Монте-Карло, так и не женившись, имел внебрачных детей, обожая тайные общества, сперва стал масоном, а потом и членом сверхзакрытого общества «Биксио», в которое входило всего шестнадцать человек, в том числе французские писатели Мопассан, Доде, Флобер и наш Иван Сергеевич Тургенев.

В конце концов терпение венценосных родственников лопнуло, и Николаю Михайловичу позволили уйти в отставку и снять военный мундир. Великий князь с облегчением вздохнул и погрузился в изучение истории России. Он рылся в императорских и семейных архивах, листал хроники, беседовал с очевидцами тех или иных событий – и в конце концов стал

одним из авторитетнейших экспертов по эпохе Александра I. По некоторым данным, именно Николай Михайлович считал, что Александр I не умер в 1825 году, а еще тридцать пять лет жил отшельником под именем Фёдора Кузьмича.

Когда книгу Николая Михайловича перевели во Франции, она имела такой бешеный успех, что автора тут же избрали членом Французской академии – неслыханная для иностранца честь. Часто бывая во Франции, великий князь заразился идеями парламентаризма и стал убежденным республиканцем. В то же время он терпеть не мог Наполеона, поносил его на всех углах. Николай II в дни столетнего юбилея войны 1812 года, посетив Бородинское поле, решил поставить свою подпись на памятнике погибшим французам, все великие князья последовали его примеру, и лишь

Романовы

Николай Михайлович демонстративно удалился.

А чего стоил его демарш после трагедии на Ходынке! Как известно, во время коронации Николая II погибли тысячи людей. Праздник был омрачен и скомкан. Николай Михайлович умолял императора отменить запланированный бал, считая танцы на трупах бесстыдным кощунством. Но Николай II этих доводов не слушал. Тогда Бимбо явился на бал, но лишь затем, чтобы с негодованием его покинуть.

Среди прочих недостатков Николая Михайловича была уже не причуда, а серьезный порок, который венценосная семья не могла простить: пацифизм. Первая мировая война привела его в ужас, а массовый ура-патриотизм первых дней всемирной бойни он считал дурным предзнаменованием. Зная состояние русской армии и бездарность главно-

Вверху: великие князья Константин Константинович (с сыном Иоанном) и Дмитрий Константинович. Красавца Николая Константиновича (внизу), навечно сосланного в Ташкент, венценосная семья предпочла бы забыть...

командующего, престарелого великого князя Николая Николаевича, он открыто говорил, что жертвы народные напрасны и войну России не выиграть.

Когда командование войсками принял Николай II, поступавший только так, как велела императрица и, следовательно, Распутин, Бимбо стал критиковать политику императора и требовал ограничить вмешательство императрицы в работу правительства. Тут уж показал свой ха-

рактер и Николай II: он приказал Бимбо покинуть столицу.

Ссылка в деревню была недолгой: монархия вскоре пала, и довольный исходом дела Бимбо вернулся в Петроград. Он жаждал деятельности. Встречался со своим братом по масонской ложе Керенским, предлагал проекты переустройства общества. Но... грянул Октябрь. Большевики с великим князем церемониться не стали и уже 26 марта 1918 года опубликовали в «Красной газете» специальный декрет за подписью Зиновьева и Урицкого:

«Совет Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны постановляет: Членов бывшей династии Романовых – Николая Михайловича Романова, Дмитрия Константиновича Романова и Павла Александровича Романова выслать из Петрограда и его окрестностей впредь до особого распоряжения, с правом свободного выбора места жительства в пределах Вологодской, Вятской и Пермской губерний.

Все вышепоименованные лица обязаны в трехдневный срок со дня опубликования настоящего постановления явиться в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией (Гореховая, 2) за получением проходных свидетельств в выбранные ими пункты постоянного местожительства и выехать по назначению в срок, назначенный Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией».

До Вологды великие князья добрались, причем заболевшего Павла заменил Георгий Михайлович, но на свободе были недолго: уже 1 июля их арестовали и бросили в тюрьму. Петроградским чекистам вологодская тюрьма показалась ненадежной, и арестантов перевезли в Петропавловскую крепость, добавив к ним Павла Александровича.

Переломной датой в жизни тысяч ни в чем не повинных людей и, конечно же, великих князей стало 30 августа 1918 года, когда был убит Моисей Урицкий и ранен Владимир Ленин, – большевики объявили красный террор. Уже через неделю в «Северной Коммуне» был опубликован так называемый 1-й список заложников, который возглавляли великие князья. А 9 января 1919 года на заседании Президиума ВЧК был утвержден вынесенный ранее смертный приговор.

Узнав об этом, забеспокоилась Академия наук, небывалую активность проявил Максим Горький. Они обратились в Совнарком и лично к Ленину с просьбой освободить Николая Михайловича, ведь он всегда был в оппозиции к императору и всемирно известен как ученый-историк. 16 января на заседании Совнаркома под председательством Ленина это ходатайство рассмотрели. Трудно сказать, кому принадлежала фраза, несколько позже облетевшая газеты всего мира, – великому гуманисту Ильичу или кому-то другому, – но она была произнесена и запротоколирована: «Революции историки не нужны!»

Правда, при этом попросили Луначарского представить какие-то исчерпывающие данные, но самым «исчерпывающим» стал ответ Петроградской ЧК: «Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Совете Коммун Северной Области полагает, что не следовало бы делать исключения для б. великого князя Н.М. Романова, хотя бы по ходатайствам Российской Академии Наук».

А дальше все по сценарию. Среди ночи люди в кожанках явились в камеру, приказали великим князьям раздеться до пояса и вывели на январский мороз. Загремели выстрелы... Первым в уже заполненный трупами ров упал Бимбо, за

В грандиозных ленинских планах переустройства мира не было места людям с фамилией Романовы. И не только им...

ним – остальные. Брата Бимбо – Георгия Михайловича – добивали уже в могиле.

Гоги Тифлисский

Родной брат Бимбо великий князь Георгий родился неподалеку от Тифлиса. Следует напомнить, что его отец, Михаил Николаевич, был наместником на Кавказе. Братья воспитывались в духе любви и уважения к Грузии и всему грузинскому, Георгий даже получил прозвище Гоги, и иначе его в семье не звали. Был он богатырского сложения и ростом под два метра.

Иной карьеры, кроме военной, для великих князей почему-то не предусматривалось: пошел служить в Гвардейский Ее императорского величества Уланский полк и Гоги. Но так случилось, что он серьезно повредил ногу, и военную карьеру пришлось оставить.

Огорчились все, кроме самого Гоги. Его, скорее всего, ободрял пример старшего брата Бимбо – у Георгия довольно рано проявился интерес не к кутежам и скачкам, а к тихой и скромной работе ученого. Единственный случай, когда все Романовы поддержали увлечение великого князя искусством и нумизматикой, – его коллекции монет не было равных в России.

В конце концов император назначил его директором музея Александра III (ныне Русский музей). Это был совсем иной масштаб, и Георгий со свойственной ему страстью начал пополнять музейное собрание картин и уникальных раритетов.

А вот на любовном фронте этому красавцу не везло. Еще юношей он влюбился в грузинскую княжну Нину Чавчавадзе, но семья Романовых сочла их возможный брак мезальянсом – и влюбленных разлучили. Совсем взрослым человеком он чуть было не утешился внучкой английской королевы Виктории, но по каким-то причинам свадьба так и не состоялась. И лишь когда перевалило за сорок, Георгий женился на греческой принцессе Марии. С началом Первой мировой войны, оставив свой любимый кабинет в музее, великий князь вернулся в армию – генерал-инспектором. Мотался по полкам и дивизиям, изучая моральный дух и боеготовность войск, добрался даже до Японии, снова вернулся на фронт и сделал совершенно оглушительный для императора вывод: революция в России неизбежна. Остановить ее может только немедленное принятие Конституции и дарование демократических свобод. Николай II, с которым они были большими друзьями, слушать не хотел ни о какой Конституции и отправил Георгия в очередную инспекционную поездку.

► А потом было падение монархии, кровавый пир толпы и необъяснимый гнев бунтовщиков по отношению ко всем Романовым. И все же Георгию удалось уехать в Финляндию, откуда он рассчитывал добраться до Англии, где в это время находилась его жена с детьми. Не получилось... Бдительные комиссары арестовали великого князя и доставили в Петроград, откуда сослали в Вологду. Там он встретил старшего брата Николая и двоюродного брата Дмитрия Константиновича. Потом Петроград и тюрьма – начальник Петроградской ЧК Моисей Урицкий, зная, как люто его ненавидят, сделал себе щит из живых людей: набив тюрьмы заложниками, он заявил, что если с головы руководителей большевиков упадет хотя бы один волос, все заложники будут расстреляны.

На заседании Президиума ВЧК 9 января 1919 года присутствовали уже пролившие реки крови Петерс, Лацис и Ксенофонов при секретаре Мурнеке. Протокол этого заседания удалось найти.

«Слушали: Об утверждении высшей меры наказания чл. быв. императорск. – Романовск. своры.

Постановили: Приговор ВЧК к лицам быв. имп. своры – утвердить, сообщив об этом в ЦИК».

И – все!

Константиновичей – под корень!

Великих князей с отчеством Константинович ненавидели матросы. Почему? Да потому, что сын Николая I Константин Николаевич долгое время был генерал-адмиралом русского флота и матросская служба при нем регламентировалась строжайшими уставами...

То, что Константин будет моряком, его отец решил, когда малышу было всего пять лет – он рос сильным, решительным и... не боялся воды. Именно поэтому в качестве воспитателей приставили к нему известных мореплавателей. Уже в десятилетнем возрасте Константин получил в подарок маленькую яхту и курсировал на ней между Петергофом, Кронштадтом и берегами Финляндии. А еще через год на названном его именем фрегате вместе с адмиралом Литке отправился в Ревель и Гангут. Суровый адмирал не давал высококородному гардемарину никаких поблажек, так что на вахте ему пришлось стоять и в дождь, и в шторм, а по вантам его заставляли бегать наравне с матросами.

Потом Константин воевал на суше, получил своего первого «Георгия», продолжил морское образование в Англии, женился на немецкой принцессе Александре, во время обороны Севастополя руководил военно-морскими операциями, а после заключения мира занялся крестьянским вопросом, в качестве примера для подражания освободив всех своих крепостных. Но есть на мундире Константина и кровавое пятно: будучи наместником в Польше, он с невиданной жестокостью подавил вспыхнувшее в те годы восстание.

А вот вернувшись в Петербург, с присущей ему энергией занялся строительством нового флота. Это он превратил русский флот из парусного в паровой, заложил на верфях первые броненосцы и, став председателем Государственного совета, настаивал на принятии Конституции. Среди многих реформ, которые он активно поддерживал, была одна, если можно так выразиться, нашептанный Богом: Константин Николаевич предложил превратить Петропавловскую крепость из тюрьмы в Дом инвалидов. Император его не поддержал, а ведь именно там четверть века спустя большевики расстреляют великих князей...

Я потому так подробно рассказываю о Константине Николаевиче, чтобы читатели поняли, что корни трагедии, разыгравшейся в 1918–1919 годах, надо искать в XIX веке. Ведь порой яблоко от яблони так далеко падает! Скажем, Константин Николаевич слыл женолюбом, кроме любовниц-однодневок у него официально было две жены – принцесса Александра и бывшая балерина Анна Кузнецова. А вот его сын Дмитрий, о котором пойдет речь, стал ярким женоненавистником. «Бойтесь юбок!» – его главный жизненный девиз. Но, так и не женившись, Дмитрий обожал своих многочисленных племянников и племянниц.

И еще. Отец был морским волком, а сын море терпеть не мог. С детства любил лошадей и мечтал служить в кавалерии, но отец отправил-таки его на флот. Море встретило молодого князя неприязненно: его так укачивало, что Дмитрий и шаг не мог ступить по палубе. Кто знает, что такое непроходимая морская болезнь, тот поймет, какие муки испытывал юный офицер. В конце концов он в самом прямом смысле слова упал в ноги отцу, умоляя разрешить покинуть флот. Но отец был неумолим. «Кто-то из Романовых обязательно должен служить на флоте, – сказал он. – Такова традиция, и здесь ничего не поделаешь. Надо терпеть».

Выручила Дмитрия мать. В обмен на обещание не брать в рот ни вина, ни водки она взялась уговорить отца. Покряхтев и повздыхав, Константин Николаевич дал себя уговорить и разрешил сыну командовать Гренадерским полком императорской гвардии. Многие годы Дмитрий не нарушал данного матери слова, пока не обнаружил, что его постоянная трезвость затрудняет общение с полковыми офицерами. Рассказал об этом матери, и та решила изредка прикладываться к рюмке.

Военной карьеры Дмитрий все-таки не сделал. У него так активно развивалась близорукость, что к началу Первой мировой войны он почти ослеп. Но князь не унывал. Всерьез увлекся лошадьми и отдавал им все свое время. Когда мать пыталась намекнуть, мол, пора бы жениться, сын незлобиво отшучивался: «Не могу же я жениться на кобыле!» Неподалеку от Полтавы он завел себе конный завод, где выращивал чистокровных рысаков. Тогда же основал ветеринарную школу и школу верховой езды. Его авторитет был так высок, что его попросили быть председателем на Всероссийской выставке рысаков в 1913 году.

В разгар Первой мировой войны Дмитрий заявил, что великим князьям нужно отказаться от высоких постов, которые они занимают лишь по традиции, а не благодаря таланту или большим знаниям. В семье это вызвало шок! Но, поразмыслив, Романовы сделали вид, будто никто этого не слышал. После Февральской революции Дмитрий решительно снял военный мундир: он не хотел иметь никакого отношения к нелепой войне. Большевики и этого не оценили...

Говорят, когда великих князей в Петропавловке вели на расстрел, кто-то услышал последние слова Дмитрия Константиновича и даже записал, во всяком случае, я разыскал их в одной из старых книг: «Прости их, Господи, ибо не ведают, что творят».

Великий «К. Р.»

А вот Константин Константинович Романов до расправы не дожил. Грешно так говорить, но Бог прибрал его вовремя, в июне 1915 года. Не сомневаюсь, что и его ждала бы большевистская пуля. Уж если поднялась рука на его детей Иоанна, Игоря и Константина, которые были так молоды, что не успели никак себя проявить, то что говорить об их отце.

Великий князь Константин Константинович – автор прекрасных стихов, подписанных инициалами «К.Р.», и одного из лучших переводов «Гамлета». Это он написал популярнейшую в те годы пьесу «Царь Иудейский» и сам играл в ней роль Иосифа Иеремии.

А до этого князь служил на флоте и в составе российской эскадры ходил в американской порт Норфолк, командовал Измайловским, затем Преображенским гвардейским полком (в котором командиром батальона служил будущий император Николай II). Но и тогда князь тяготился военной службой, его тянуло к искусству: поэтому появились в полку великолепная библиотека и литературно-драматическое общество «Измайловские досуги», девизом которого стали слова «Доблесть, доброта, красота».

Имея хорошее музыкальное образование и будучи прекрасным пианистом, Константин Константинович возглавлял Российское музыкальное общество, дружил с Чайковским, помогал молодым композиторам. А при Александре III был еще и президентом Академии наук, главой всех военных учебных заведений и любимцем кадетов.

Первая мировая война застала великого князя и его жену Елизавету Маврикиевну, принцессу Саксен-Альтенбургскую, в курортном городке Вильдунгене, где они лечились. Супруги решили немедленно ехать в Россию, но германские власти объявили их... военнопленными. Тогда Елизавета Маврикиевна телеграфировала своей давней подруге – германской императрице, – и та помогла: великокняжескую чету довезли до прусской границы, высадили из поезда, и до ближайшей русской станции – более десяти километров – они шли чистым полем, а кое-где и по болоту.

До Петербурга Константин Константинович добрался совсем больным. А тут подошел новый удар: в бою под Вильно смертельно ранило их сына Олега. Кстати, Олег был единственным Романовым, погибшим на полях Первой мировой войны. Через несколько дней еще печальная весть: на Кавказском фронте убит князь Багратион-Мухранский – муж дочери Татьяны. Болез-

ни, потери близких и горестные вести с фронта сломили Константина Константиновича, и вскоре его не стало. Похоронили великого князя в Петропавловском соборе – он был последним Романовым, удостоившимся этой чести официально.

В семье не без урода

О старшем сыне Константина Николаевича и, следовательно, внуке Николая I известно мало. Вернее, мало хорошего. То ли был он полусумасшедшим, то ли притворялся, только в семье о нем никогда не говорили и вообще делали вид, что такого человека просто нет на свете. Причина тому очень серьезная – был на молодом князе Николае грех, который не прощается.

Все началось с того, что в семидесятых годах XIX века в Петербурге объявилась ослепительно-соблазнительная американка Фанни Лир. Познакомился с ней Николай Константинович раньше, в Париже, и даже некоторый успех имел, а в Петербурге Лир не пускала его на порог.

Князь хорошо знал слабые места закеанской красотки: если она что и любит, то только драгоценности и деньги. И решил он, если Фанни нельзя покорить, ее надо купить! Денег было маловато, и князь совершил святотатство – украл золотой оклад иконы, висевшей над постелью матери, и вытащил из него три больших алмаза.

Пропажа быстро обнаружилась, и разразился неслыханный скандал! Князь не моргнув глазом обвинил во всем своих лучших друзей графа Шувалова и графа Верпоховского. Выгораживая великого князя, те сначала все отрицали, но когда Верпоховского арестовали, он признался, что Николай Константинович велел ему отвезти алмазы в Париж, продать, а на вырученные деньги купить то, что понравится Фанни Лир.

Лжесвидетельство по тем временам было для благородного человека преступлением наиподлейшим. От Николая отвернулись все. Лопнуло терпение и у государя. Николая лишили воинского звания и навечно выслали из Петербурга. Сначала он жил в Оренбурге, а потом его загнали еще дальше – в только что завоеванный Ташкент.

Когда на трон взошел Александр III, Николай написал письмо с просьбой разрешить ему приехать на похороны убитого террористами Александра II и умолял простить. Император незамедлительно ответил: «Вы недостойны того, чтобы склоняться перед прахом моего отца, которого так жестоко обманули. Не забывайте, что вы обесчестили всех нас. Пока я жив, вам не видать Петербурга».

И Николай ударился во все тяжкие. Прежде всего завел себе нечто вроде гарема. Когда восточные красавицы наскучили, стал в открытую волоочиться за женами русских офицеров. При этом у него была законная супруга – дочь местного полицмейстера.

А в 55-летнем возрасте, уже при Николае II, великий князь отмочил такой номер! Увидев на балу 15-летнюю гимназистку Вареньку Хмельницкую, Николай Константинович лишился дара речи. Будучи человеком действия, он тут же отправил жену в Петербург, а девочку похитил. Но похитил «благородно»: отвез в близлежащую церковь и там обвенчался.

Двоеженство для православного человека грех невообразимый. Когда соответствующее донесение дошло до Петербурга, реакция была мгновенной: попа, который венчал, постригли в монахи, молодую жену вместе с родителями отправили в Одессу. А с князя – как с гуся вода.

Так резвился он вплоть до самой революции. А в роковом 1918-м, когда полетели головы Романовых, не стало и Николая Константиновича. Каконумер – зарезали его или зарубили, повесили или расстреляли, – осталось тайной за семью печатями: ни протоколов, ни приговоров большевики не оставили. А заодно они убрали и его сына Артемия, имевшего титул князя Искандера.

Великие князья с отчеством Константинович были уничтожены под корень. Но ведь род Романовых в России насчитывал шестьдесят пять человек. Большевики начали отлавливать остальных.

Рыцарь с большой дороги

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МИШКИ ЯПОНЧИКА,
ТАКЖЕ ИЗВЕСТНОГО КАК БЕНЦИОН КРИК

■ Валерий РОКОТОВ

Публикация 2004 года

Этот человек носил разные имена. В тихой синагоге его нарекли Мойша-Яков. В сутолочной городской канцелярии выдали свидетельство о рождении на имя Моисея Винницкого. Потом удалая многоцветная Молдаванка окрестила Мишкой Япончиком. Тамошних контрабандистов пленили его раскосые глаза и самурайские скулы. Но мы будем называть нашего героя так, как его назвал Исаак Бабель, а вслед за ним и История: Беня Крик.

Социально незащищенный налетчик

Нельзя сказать, что его руки не знали честного труда. Отец Бени Крика, известный на всю Молдаванку биндюжник, видя, что сын не расположен к наукам, определил его в электрики завода «Анатра».

Жить электриком Бене не понравилось. Он чувствовал, что на пути, куда его толкал отец, славу обрести невозможно. Мир не знает великих электриков. Их статуи нет в пантеонах славы.

Поэтому с электричеством он вскоре расстался. Такое решение подсказала Бене его природа, больше благоволившая тьме.

Тьма, где ютился обывательский страх и разливалась разбойничья удаля, вдохновляла амбициозного юношу. Он всматривался в нее узкими кошачьими глазами, как художник всматривается в холст, еще не тронутый кистью.

В такие минуты творческого бдения в бениной голове роились смелые замыслы. Юный бандит понимал, что способен сделать налет художественным жанром, революционной формой искусства. Это было поприще, на котором можно было проявить артистизм.

Первым творчески ограбленным заведением стало варьете «Мон амур», чей репертуар требовал обновления.

Однажды вечером Беня поднялся на сцену и представил публике новые имена. Подчиняясь его покровительственному жесту, из-за кулис вышли перепуганный инвалид-шарманщик и бойкая 5-летняя девочка.

Потом газеты написали, что в словах грабителя было много справедливого. Действительно, что мы называем искус-

ством? Холодное мастерство, отгораживающее нас от реальности? Мы перестали вдаваться в суть творчества. Мы забыли о том, что подлинное искусство призвано омыть душу слезами. Конечно, талант певицы, неожиданно представленной публике, еще не раскрылся в полной мере. Но ее большое будущее, по единодушному мнению журналистов, не оставляло сомнений. Особенно принимая во внимание усердие импресарио. Правда, кое-кто из публики посчитал, что сбор в пользу талантливой молодежи оказался слишком высок. Но это были отдельные голоса, высказанные в рамках плюрализма мнений, глубоко чтимого городскими налетчиками.

В начале XX века бандитская Одесса жила в трогательном согласии со своими законами. А они не предполагали случайной инициативы. И профсоюз налетчиков не был дикорастущим садом: за ним ухаживал дедушка Мейер Герш. Правила этикета требовали от новичка засвидетельствовать уважение рыжебородому старцу, смотрящему на мир единственным глазом.

Беня этого не знал. Молодой и нахальный, он беспечно грабил квартиры и почтовые отделения, полагая, что воля и револьвер наделяют человека всеилием.

Это было типичным заблуждением юности, легко теряющей голову от успехов.

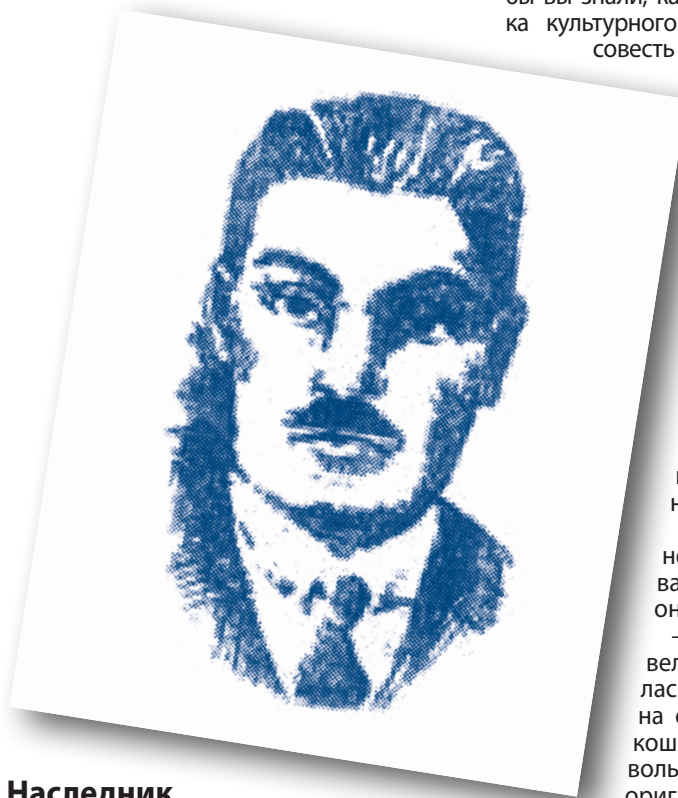
Не являясь членом профсоюза, Беня был уязвим. Он оказался социально незащищенным налетчиком.

Примерно раз в году городские власти проводили облаву. В ее сети, как правило, попадали те, кто не работал на дедушку Герша.

Восходящую звезду бандитской Одессы взяли в заведение мамы Мозес, куда его привел зов юного тела.

В период реформ Столыпина суд на Руси был скорым и строгим. Будь начинающий налетчик совершеннолетним, его бы просто повесили. Но наш герой оказался слишком юным для виселицы. Поэтому Одесский военно-окружной суд приговорил его к двенадцати годам каторги.

В Одессу Беня Крик вернулся раньше, чем ожидалось. В сибирском остроге он свел дружбу с крестьянским пареньком, проломившим кому-то череп на почве ревности. За деньги, посланные родне в полудухлую деревеньку, тот согласился досидеть чужой срок.

Наследник

Одесса встретила своего сына неласково. О Бене Крике давно забыли. Его друзья обзавелись семьями и сонно жили, занимаясь ремеслами. Только толстяк Сруль Нахамкис слонялся без дела, единственная душа, бросившаяся к вернувшемуся королю с ликованием.

Из всей бениной дружины он один не изменил специальности. Правда, солировать у него получалось плохо. Даже для такого нехитрого дела, как грабеж, нужны мозги, а у Нахамкиса их почти не водилось. Всерьез его не воспринимали. Однажды он с шумом ворвался в лавку скобяных изделий и только у кассы вспомнил, что забыл револьвер. После этого случая к нему прилипло прозвище Мимо Кассы, которое он носил как вериги.

Собрав новый коллектив, Беня посетил несколько коммерческих точек, напомнив городу о себе, а потом исправил ошибку юности.

На собеседование к Мейеру Гершу он явился с подарком. 24-летний налетчик преподнес патриарху граммофон с пластинками с душевными песнями американских негров, пожелал долголетия, а потом рассказал о своих планах на жизнь.

На белоголового, сходящего в могилу старца смуглокожий юноша с Молдаванки произвел приятное впечатление. Своим единственным оком Мейер Герш разглядел в пришельце не только талант. Он увидел другое. В тот день он узрел будущее бандитской Одессы. Перед ним сидел грабитель-интеллигент, человек ищущий и перспективный. Такому можно будет оставить город.

Очарованный и растроганный Герш благословил юношу, на прощание обратив его внимание на ресторан «Колизей», славящийся прекрасной кухней.

На следующий день Беня ужинал в нем с друзьями. В тот день он был рассеян и мягок. Накануне ему на глаза попались стихи начинающего поэта, выходца с Молдаванки. Причудливые разноцветные строки наполнили душу сладким томлением.

Никогда в жизни он не поднимет руку на человека искусства! Это будет его фундаментальным принципом.

Крик встал и чувственно произнес:

– Господа, послушайте. «Фарфоровый фонарь – прозрачная луна, в розетке синих туч мерцает утомленно, узорчат лунный блеск на синеве затона, о полусгнивший мол бесшумно бьет волна... Устарой пристани, где глуше пьяниц крик, где реже синий дым табачного угара, безумный старый бриг Летучего Корсара раскрашенными флагами поник...» Кто скажет, чьи это стихи? – страхнув с себя поэтическое наваждение, спросил чтец.

Все стыдливо молчали, и только звонкий девичий голос из отдаленного полумрака одиноко произнес желанное имя: «Багрицкого».

– Браво, мадемуазель, – улыбнулся Беня и, оглядев зал, заключил с укоризной: – Это плохо, господа, что вы не интересуетесь поэзией. За ее развитием нужно следить. Это возвышает нас и делает чище. Если бы вы знали, как трудно грабить человека культурного. Против этого восстает совесть и здравый смысл. Ты чувствуешь, что бьешь

по родному городу, в котором еще так мало духовности. Равнодушие к поэтическому слову – это неуважение к Одессе. А за это надо платить. Поэтому, господа, приготовьте, пожалуйста, к заслуженной конфискации лопатники и бриллианты.

А потом Беня подошел к той, что подала голос, и извинился за причиненное беспокойство.

– Разумеется, мои слова не относятся ни к вам, ни к вашим друзьям, – пояснил он.

– Я не нуждаюсь в вашем великодушии, – отозвалась девушка и вывернула на стол содержимое своего кошелка. – Это мой добровольный взнос в развитие оригинальных форм бандитизма. Мне по душе романти-

ки, умеющие стрелять.

После этого гордычка встала из-за стола и с демонстративным бесстрашием направилась к выходу.

Мадемуазель анархистка

Новость о грабеже «Колизея» быстро разнесли городские газеты. Дотошные журналисты подробно описали происшествие. Однако было и то, о чем газеты не сообщили. В тот вечер Беня Крик унес с собой не только деньги и драгоценности. Он приобрел нечто большое и нематериальное, что входит в душу без позволения и отягощает ее романтической грустью.

Мимо Кассы неделю рыскал по городу в поисках той, по ком томилось бенино сердце. Наконец, он вернулся с радостным сообщением, что мадемуазель зовут Лиза Мельникова и что она анархистка.

Добиться взаимности от этой девушки оказалось крайне непросто. Через несколько недель знаменитый налетчик задал Лизе вопрос, который можно было объяснить лишь отчаянием. Беня спросил, что он должен сделать, чтобы обрести ее нежность?

Лиза попросила о пустяке. Она хотела принять участие в ограблении банка. Беня был очарован скромностью этой просьбы. Он предложил даме сердца самой назвать банк, который нужно ограбить.

На новое дело Крик шел в волнении. Ему казалось, что он держит экзамен. Войдя в банк, наобум указанный Лизой, он выгнал револьвер и сразу успокоился. Работа тут же увлекла его.

– Именем Михаила Бакунина, руки вверх! – скомандовал он и предоставил слово возлюбленной.

Пока Беня экспроприировал ценности, Лиза громко говорила о наблевшем.

– Мы ратуем за абсолютную свободу духа! – втолковывала она банковским служащим. – Разрушая старое, он творит новое. Он создает! Все учреждения должны быть разрушены. Народ сам создаст новый порядок.

► Вскинув бледные руки и обливаясь холодным потом, служащие благодарно внимали ораторше.

А потом девушке захотелось еще. Ей понравилось грабить буржуазию.

Старый Герш не одобрял этих подвигов. Его страшила дорога, на которую толкала Беню бойкая русская барышня. Грабеж дело чистое, втолковывал он своему протеже. Другое дело – экспроприация. Это уже политика. А зачем это надо порядочному грабителю?

– Если она перестанет видеть во мне борца за идею, я ее потеряю, – объяснял Беня.

Герш развел сухими руками. Он сам когда-то любил и помнил, что разум молчит, когда говорят чувства. Ему оставалось только вздыхать. Старик ворчал, что поставил Беню над всеми одесскими налетчиками не затем, чтобы тот делал глупости. И вот, когда все исправно платят, казна полна и профсоюз процветает, Беня самолично бегает по городу и героически, как молдаванский босяк.

При всем уважении к Гершу Крик не хотел отказываться от своих маленьких приключений. Он не просто потакал Лизе, страстно желавшей эксов и швырявшей деньги одесской босоте. Он видел, как о нем складывался миф, и этот миф был дьявольски лестен.

К тому же работа доставляла ему радость. И иногда немалую.

Однажды дружина Бени посетила частный банк, который непозволительно долго стоял под парами. Его люди привычно выгребали наличность, когда к ним спустился директор и смущенно попросил господина Крика пройти к нему для беседы.

В кабинете, куда они с Лизой проследовали, сидел лысый амбал с маузером.

– Беня, только фраера орудуют в операционном зале, да еще с таким шумом, – заявил он. – Профессионалы тихо работают в кабинете директора.

– Котовский! – повеселел Крик. – Симптомчик!

С Котовским они встретились в сибирском остроге. Знаменитый бессарабский разбойник звал Беню в побег. Но тот счел, что его план граничит с безумием.

С той поры они не встречались, но были друг о друге слышаны. За Котовским гонялась вся полиция юга, а он под носом у жандармов и сыщиков совершал один дерзкий грабеж за другим. Веселый, бойко проповедующий анархизм, он не давал житья местной буржуазии.

Котовский всерьез уверял, что люди становятся лучше, когда лишаются предметов роскоши. Тогда в них проявляется человечность.

Лиза пришла от него в восторг. Через год, когда Котовского все-таки поймали и приговорили к виселице, она уговаривала Беню брать тюрьму приступом.

Герш чуть не умер от инфаркта, узнав об этом. Закованного в кандалы разбойника охраняли, как главного врага государства. К счастью для старика, общественность подняла шум. За Котовского вступилась жена генерала Брусилова. Ей удалось оттянуть исполнение приговора, а после революционного февраля новое правительство подарило ему свободу. Городским налетчикам не пришлось жертвовать собой из романтических побуждений.

Бенефис с Шаляпиным

О том, что его опозорили, Крик узнал из газет. Пресса кричала, что он изменил своим принципам, что Одесса-мама теперь вовек не отмоется и что творческая интеллигенция ему этого не простит.

Позор и впрямь был велик. На улице грабанили Шаляпина.

Фёдор Иванович шел по ней в предвкушении предстоящего выступления, и его раздели, как лавочника. Первый певец России влачился по Одессе без пиджака и штанов, как мог влачиться по ней лишь человек, глубоко чуждый искусству.

Изучив периодику, Беня распорядился собрать коллектив.

– Пусть тот, кто осрамил город, выйдет вперед и покается, – дружелюбно предложил он. – Даю ему единственный шанс.

Злодей уныло вышел из строя, застенчиво потоптался на месте и глухо признался, что оплошал.

Фёдор Иванович Шаляпин в костюме Мефистофеля. Великий певец часто бывал в Одессе и в одно из своих посещений лишился пиджака и брюк

– Посмотрите на этого босяка, – разочарованно произнес Беня. – Еще культурный налетчик называется!

– Бенчик! – в смнении вскричал Мимо Кассы. – Все же знают, что после десяти наше время. А он шел по улице с таким видом, будто это его город. Будто в Одессе нет нас. Так гулять – это неуважение к преступному элементу. Меня это задело, Бенчик! Я же не каменный. У меня тоже есть нервы.

– Творческий человек может идти по Одессе в любое время суток с гордо поднятой головой, – объяснил Крик. – Тебе коров пасти, а не с людьми работать. Сдать оружие!

Пока Мимо Кассы разоружался, Беня придумал ему наказание.

Узнав о том, что ему предстоит, виновный побледнел и с поникшей головой вернулся на свое место.

Несмотря на нанесенное оскорбление, Шаляпин выступил ярко. Голос солиста, правда, иногда потрескивал от простуды, что вызывало у зала приливы сочувствия.

В тот день одесситы устроили певцу такую овацию, какую они не устраивали никому. Это походило на коллективную форму извинения.

Когда занавес в очередной раз упал и стало ясно, что маэстро больше не выйдет, на сцену поднялся эффектный молодой человек и попросил у публики минуту внимания.

– Меня зовут Бенцион Крик, – представился он, хотя это было излишним. – Всем известно, какая в Одессе случилась гадость. Все, что я отстаивал в последние годы, все, за что боролся, теперь поставлено под сомнение. Я имею сообщить почтенной публике, что нарушитель закона изобличен и сейчас перед нею предстанет. Я решил: пусть тот, кто посмел под-

нять руку на певца, выйдет на сцену и исполнит одно из его гениальных творений по своему усмотрению. Пусть подлец убедится на собственном горьком опыте: каково это – жить в искусстве.

Из боковых дверей личные телохранители Крика вывели Мимо Кассы. Облаченный в костюм Мефистофеля, он плелся к сцене, как к эшафоту.

В ту же минуту громилы из профсоюза деловито внесли в зал корзины с яйцами и помидорами. Мягко ступая по ковровым дорожкам, они услужливо распространились по залу.

Надо сказать, что к предстоящему испытанию Мимо Кассы подошел крайне ответственно. Как бы там ни было, а ему предстояло петь на главной сцене Одессы. О таком многие мечтали годами.

За то краткое время, что ему было отведено, он прослушал все пластинки Шаляпина и определился в выборе. Он избрал партию Мефистофеля из оперы «Фауст». Этот образ показался ему роднее других.

Перед выступлением он зашел в уборную и распелся.

Телохранители Бени были не изверги. Они принесли ему выпить, а потом повели в зал.

Взойдя на сцену, Мимо Кассы сипло возвестил: – «Фауст». Фрагмент. Эпизод искушения.

После этого он обвел грустным взглядом удивленно молчащий зал, молитвенно посмотрел на Шаляпина, приглашенного в царскую ложу, вздохнул и взвыл.

Поначалу к дебютанту публика отнеслась снисходительно. Кое-кто даже захолопал. Но поскольку ария была не короткой, а тот сучий вой, который издавал Мефистофель, даже отдаленно не напоминал пение, зал начал постепенно выходить из себя.

Когда первые метательные снаряды поразили цель, Мимо Кассы счел свой

долг исполненным и собрался покинуть сцену. Но Беня суровым взглядом приказал ему продолжать.

Налетчик стоически выдержал экзекуцию и после этого в выспренных выражениях извинился перед певцом.

Красное и белое

Семнадцатый год принес в Одессу сплошные беды. До октября в городе еще сохранялось шаткое спокойствие. Но потом развернулась настоящая свистопляска смерти.

И одной из первых жертв революции стал старый Герш. Его убили гайдамаки, грабившие окраины.

Усадьба Герша радовала взгляд, и это определило судьбу хозяина. Отряды еврейской самообороны, спешно сформированные Беней, не успели прийти на помощь. Когда биндюжники подвезли к дому штатного пулеметчика, старик был уже мертв.

Бесчинства гайдамаков сопровождалась лихорадочной сменой властей. В какой-то момент Беня увидел, что его профсоюз – это единственная властная вертикаль, которая размещается в городе на постоянной основе.

В ноябре восемнадцатого город взял Гришин-Алмазов, самый молодой генерал в Белой гвардии. Причем взял решительно, ценой жизни двадцати пяти офицеров. Он вошел в него под прикрытием пушек французской флотилии и за полдня выбил из Одессы головорезов атамана Григорьева.

38-летний генерал прославился тем, что поднял Сибирское восстание против большевиков и в рекордные сроки сформировал боеспособную армию. Стремительный, скорый на суд и расправу, он планировал сделать Одессу отправной точкой южного наступления на Москву.

Бандиты, расплодившиеся в городе за годы безвластия, представляли проблему, которую следовало решить быстро и эффективно. Средством решения был избран расстрел на месте. По приказу генерала группы офицеров, разойдясь по вечернему городу, начали педантично отстреливать подозрительных.

Узнав о крупных потерях в своих рядах, Беня погрузился и запросил мира. Он обратился к губернатору с разъяснительным письмом.

«Алексей Николаевич! – писал он. – Мы не красные и не белые. Мы черная масть. Оставьте нас в покое, и все будут довольны. Готов выслушать ваши условия».

В глубине души Беня симпатизировал белому рыцарству, как и всякому рыцарству вообще. Иногда он всяко раз, когда отрывисто вскидывал руку к блестящему козырьку, сладостное чувство разливалось в его душе. В такие минуты он ощущал себя одним из них – этих стройных интеллигентов, спаянных любовью к Отчизне и идеей служения. Эта тайная симпатия мешала ему объявить войну белому рыцарству. Она гасила его гнев.

Высокомерный генерал оставил послание без ответа. Замирать с противником, имея неоспоримое преимущество, противоречило здравой военной логике. Тем более Гришин-Алмазов знал, как бандитская Одесса годом ранее отнеслась к офицерам, пытавшимся удержать город. Тогда она встала на сторону врага и ударила в спину. Офицеров убивали из-за угла. Однажды бросили бомбу в театр во время спектакля. Вот и получайте! Кстати, в каком притоне собираются главы бандитов? У некой мадам Мозес? Гранаты к бою!

После уничтожения знаменитого на всю Одессу борделя Беня отдал приказ об ответных действиях. Большегрудая Сильва Мозес, погибшая на рабочем месте, была не просто мамашей, держащей популярное заведение. Усатая и трясающая телесами, она была городской достопримечательностью. Удар по ней был ударом по одесской специфике.

По приказу Бени на губернатора было совершено несколько покушений. Однако татарский отряд, охранявший военачальника, всякий раз оказывался на высоте. Татары, давшие генералу клятву в верности, расстреливали всякого, кто посягал на его жизнь. Простым офицерам везло меньше. Они превратились в движущиеся мишени.

К концу зимы белым уже было не позавидовать. Красное подполье, которому Беня помог оружием, разрослось и действовало все более дерзко. Пробравшийся в Одессу Котовский добавил огня. Уже прославившийся как красный партизан, он развязал уличную войну против белого офицерства.

В марте взбунтовались матросы французских кораблей. Распропагандированные большевиками, они отказались воевать против рабоче-крестьянской республики.

Гришина-Алмазова французские генералы отстранили от должности, а потом без боя сдали город большевикам.

В середине весны раскатившееся по Одессе «ура» возвестило о пришествии красных. Лиза ликовала. Она купила цветы и бросала их с балкона на головы всадникам революции. Однако вскоре цветы пришлось покупать для похорон. Красная «чека» оказалась не слаще белой контрразведки. Перебив офицеров, большевики взялись за уголовников. Черную масть истребляли обе

люди решили покончить с прошлым. Грабежи в городе отменяются. Но это еще не все.

– Я предлагаю сформировать из моих ребят боевую часть Красной Армии, – сказал Крик. – Оружия и денег у меня вдоволь. Требуется только ваше согласие.

Штаб связался с Москвой, и та дала разрешение.

В начале лета девятнадцатого года Красная Армия пополнилась необычным подразделением. Боевой состав нового советского полка составляли три тысячи профессиональных налетчиков. На боевом знамени было крупно вышито: «54-Й СОВЕТСКИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОЛК ИМЕНИ МАМАШИ МОЗЕС».

В июле часть получила первый приказ. Она отправлялась на фронт громить петлюровцев.

54-й полк пришла провожать вся Одесса. Бойцы парадным маршем прошагали по городу. Правда, в поезд погрузились не все. До линии фронта доехали семьсот человек. Остальные не смогли расстаться с Одессой.

Комдив Иона Якир унылым взглядом окинул прибывшую часть и отдал ее под начало Котовского.

Беня был этому рад. Подойдя к комбригу, он выхватил папиросу и озорно произнес:

– Симпомпончик! Полфунта пламени! И быстренько! Мощная вый Котовского порозовела, что было дурным предзнаменованием.

– Беня, здесь не балаган, а регулярная армия, – объяснил он, косясь на подчиненных. – Так что понты свои побереги для Одессы. Нам победа нужна, а не понты. Учти: побежишь – расстреляю.

Писатель Исаак Бабель увековечил образ Мишки Япончика в своих знаменитых «Одесских рассказах» и даже дал ему новое имя – Бенцион Крик

По плану боевой операции 54-й бил в лоб петлюровским частям, проводя разведку боем. Получив приказ, Беня отправил комдиву Якиру телеграмму: «Мы Петлюру зашухерим гранатами!»

В назначенное время на позициях полка одновременно заговорили двадцать пулеметов. А потом к вражеским укреплениям подползли пацаны с гранатами и навели такой шухер, что петлюровцы драпанули, побросав оружие и обнажив фронт.

В пробитую брешь должна была хлынуть красная кавалерия, и одесситы с нетерпением ждали ее. Однако никто не поспешил закрепить победу. Беня не знал, что по плану Котовского его полк отвлекал на себя основные силы противника. Прорыв фронта был намечен на другом участке.

Как и следовало ожидать, петлюровские хлопцы обиделись и, подтянув орудия, начали умело взрыхлять почву вокруг одесской братвы. Неокопавшийся полк понес огромные потери. Потом подошедшая вражеская конница стала привычно изговляться к атаке.

В рядах налетчиков началась паника. Блатной полк дрогнул. Его бойцов вдруг охватило одно желание. Всем страстно захотелось домой – в милую, текущую молоком и медом Одессу.

Бойцы обступили командира и стали делиться с ним своими печальями.

– Беня, нас предали. Братва решила смерти не ждать. Тикаем! Это не наша война.

Крик молчал. В ту минуту он прощался с иллюзией. Он вдруг с абсолютной ясностью понял, ему не сделаться красным рыцарем. Он никогда не станет для большевиков товарищем по оружию. Грозные, готовые умереть, они дрались за новый мир. И в этом мире, как остро осознал Крик, не будет места не только для буржуев. В нем не будет места и для него.

Тогда он впервые почувствовал силу красных. Это они были железными, а не его ребята, пишущие на знаменах понты. Их разнило мировоззрение. Беня и его дружина не хотели строить социализм. Они хотели в него вжиться. А это другое. За это не умирают. Он чувствовал, что ему нечего сказать своим людям.

В тот же день пестрая людская орава, еще недавно именовавшаяся 54-м стрелковым полком 3-й советской армии, захватила на ближайшей станции пустой эшелон и выехала в родную Одессу.

Путешествие продлилось недолго. На станции Воскресенск эшелон с дезертирами уже ждали пулеметчики из бригады Котовского. Поезду преградили путь. Бенцион Крик во главе своей свиты вышел на божий свет, и скоро все было кончено.

Иллюстрации из архива автора

Некогда профессиональный грабитель и любимец Бени Григорий Котовский после Октября пошел в красные командиры и предал своего друга. Справа: в 1920 году его бригада вступает в Одессу

воюющие стороны и со звериной жестокостью. Уже не было в живых ни Цыгана, ни Васьки Косого. Одного шлепнули белые. Другого – красные.

Надо было что-то решать. Как-то спасти себя и братву. Как-то вписываться в новую жизнь, учитывая очевидный триумф советов. Надо было пока не поздно смыть с себя грехи прошлого.

Лиза упрямо звала под красные флаги.

– Посмотри на Котовского, – убеждала она. – Он был разбойником, а теперь красный генерал.

А что, думал Беня, может, и вправду пойти в красные рыцари? Видимо, на их стороне будущее, раз они везде побеждают. Влиться в их ряды, пока еще не поздно, и ранами за рабочее дело заслужить место в коммунистическом обществе. Заманчиво.

Полк имени мамы Мозес

По совету Лизы Беня написал статью для одесских «Известий». Он заявил, что грабил исключительно буржуев, а не пролетариат.

А потом лично явился в местный Особый отдел Красной Армии.

Его появление произвело фурор. Новость облетела штаб, и вскоре на легендарного налетчика пришли посмотреть красные командиры и чекисты.

Они услышали то, что их не разочаровало. Беня Крик заявил, что его

Тысяча и одна ночь

В ПОЛИТИКЕ XXI ВЕКА СТАНОВИТСЯ ВСЕ МЕНЬШЕ МИСТИКИ, АНОМАЛИЙ И НЕОБЪЯСНИМЫХ ЯВЛЕНИЙ. НО ЕСТЬ ЛИДЕР, КОТОРЫЙ КАК БЫЛ, ТАК И ОСТАЕТСЯ «НЕОПОЗНАННЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ОБЪЕКТОМ». РЕЧЬ ИДЕТ О ВОЖДЕ ЛИВИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ МУАММАРЕ КАДДАФИ. ДЛЯ ОДНИХ ОН – БЕЗУМЕЦ И «БЕШЕНЫЙ ПЕС», ДЛЯ ДРУГИХ – ОТЕЦ И ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ, ПРЕВЗОШЕДШИЙ МАРКСА И ЛЕНИНА, ХРИСТА И МОХАММЕДА

■ Сергей СТРОКАНЬ

Публикация 2004 года

Первым британским политиком, посетившим Ливию в незапамятном 1943 году, был Уинстон Черчилль. Так говорят сегодня, не уточняя, что ливийского государства тогда еще не было. Так что когда недавно в Ливию с «историческим визитом» прилетел премьер Тони Блэр, именно ему предстояло стать британским первооткрывателем этой сказочно богатой нефтью страны, последние три с половиной десятилетия управляемой эксцентричным и экстравагантным полковником Каддафи.

Тони Блэру предстояло перевернуть заливную выцветшей кровью страницу отношений с ливийским лидером, одно упоминание о котором еще недавно вызывало у любого добропорядочного англичанина ярость, негодование, омерзение – все что угодно, но только не желание пожать ему руку и тем более заключить его в дружеские объятия. Ведь это его ливийские «соколы» в 1988 году взорвали в небе над Шотландией лайнер с 270 пассажирами на борту. Ведь это он долгие годы тайно поддерживал боевиков из Ирландской республиканской армии.

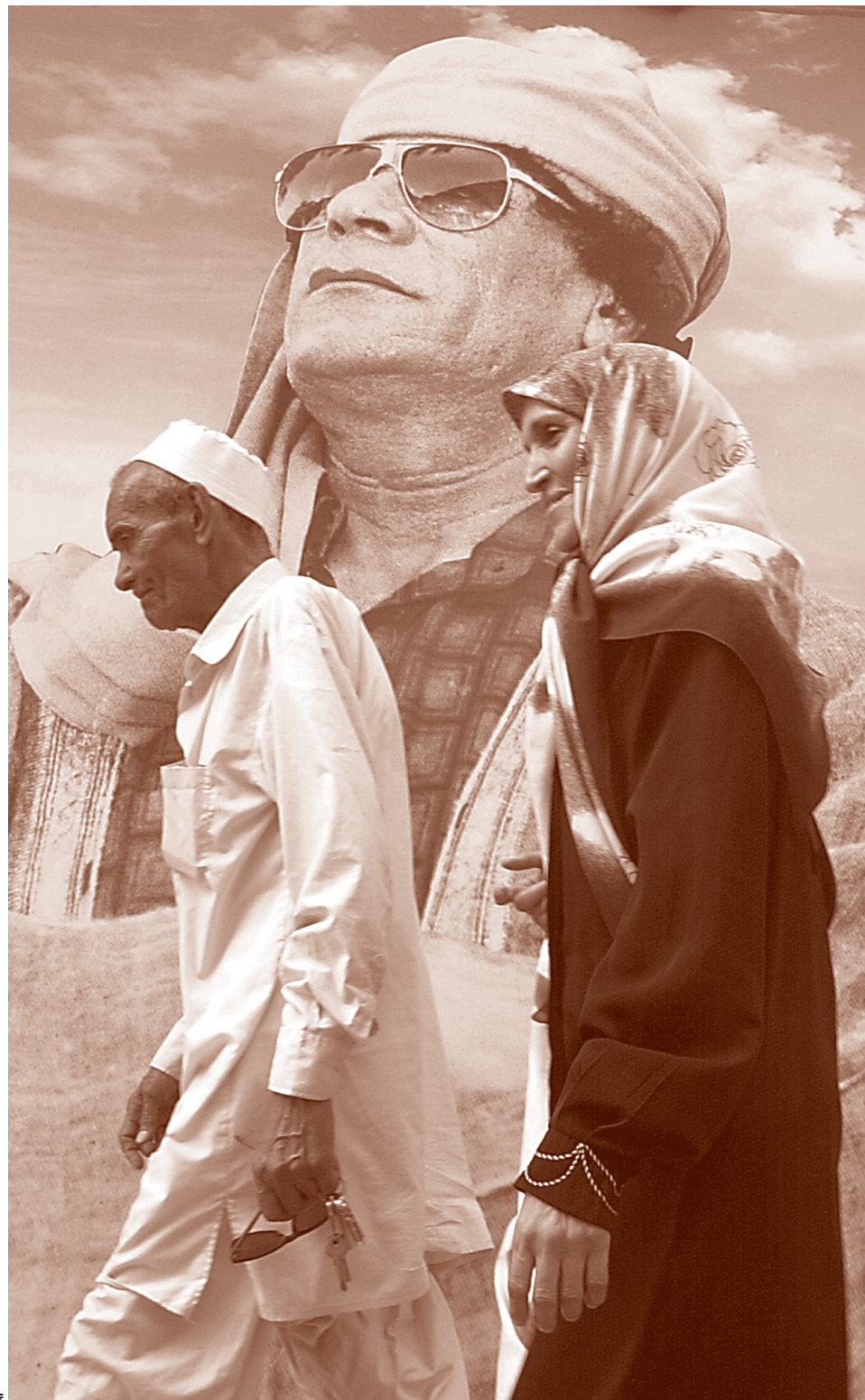
Но вот недавно полковника Каддафи словно подменили. Он стал посыпать голову пеплом, осудил международный терроризм, открыл двери в страну инспекторам ООН, продемонстрировав им, где и как в свое время пытался создавать оружие массового уничтожения. И Тони Блэр вспомнил слова мудрого Черчилля о том, что, черт возьми, «торговать можно хоть с людоедом». Несмотря на негодование политических оппонентов и улюлюканье прессы Блэр полетел на Ближний Восток.

Их полуторачасовая встреча проходила не в Триполи, а за городом – в роскошном

бедуинском шатре, в пустыне. Именно здесь, а не в столице, с давних времен находится резиденция ливийского лидера.

Общение с ним произвело на британского премьера приятное впечатление. Блэр не только был удивлен вежливостью и обаянием человека, о котором слышал столько страшных историй, но и не мог не радоваться намечающимся крупным сделкам в нефтегазовой и авиастроительной отрасли, общая сумма которых может составить миллиард долларов. Отличный повод заткнуть рот горлопанам, устроившим истерику по поводу его визита. Блэр чувствовал себя мэтром, приехавшим дать урок цивилизованной дипломатии, и ни в чем не чувствовал подвоха.

Однако когда фотография его беседы с Каддафи обошла британские газеты, произошел настоящий фурор. Газета «Дэйли миррор» обратила внимание на одну малозаметную деталь, свидетельствующую о том, что ливийский лидер негласно выказал дорогому британскому гостю не почет, а презрение. Газета обвела на фотографии ботинок Каддафи, указав, что все дело в нем. Нет, не в качестве или происхождении ботинка, а в его угле наклона по отношению к Тони Блэру. Специалисты по арабской культуре, на которых ссылается газета, обратили внимание, что Каддафи сидит, положив ногу на ногу, и его левая подошва повернута к британскому премьеру. Эксперты были в шоке. По их словам, Каддафи подверг Блэра страшному оскорблению, поскольку обувь считается у арабов грязным и недостойным предметом, ассоциируясь с неприличными частями тела. Редактор издающейся в Лондоне арабской газеты «Аль-Кудс» Абдель Барии Атуан так и заявил корреспонденту «Дэйли миррор»: «Я был просто потрясен этой сценой. Хуже этого могли быть только побои».

Его борьба

«Казус с ботинком» лучше всего выражает сущность этого загадочного человека, у которого есть не одно, а несколько «я».

Пристрастие к жестам, расшифровать которые могут лишь посвященные, стремление никогда не раскрываться перед кишасим врагами и конкурентами внешним миром выработалось у него еще в

Новоиспеченный лидер, воодушевленный социалистическими идеями, сблизился с СССР и объявил войну империализму. Теперь Союза больше нет, а война с Западом, кажется, закончилась

Муаммара Каддафи

молодости. Именно это качество помогло сыну простого бедуина-кочевника, пасшего коз и верблюдов, встать во главе свергнувшего короля Идриса революции и построить свою джамахирию.

Это сегодня на «демократическом» Ближнем Востоке в моду все больше входит передавать власть по наследству от отца к сыну, словно речь идет не о республиках, а о монархиях. Кто-то, как молодой сирийский президент Башар Асад, эту власть уже получил, кто-то только готовится. Однако отец Муаммара Каддафи мог завещать ему разве что шатер и скотину, чего его отпрыску было явно недостаточно. Он предпочитал называться не сыном пастуха, а потомком древних благородных бедуинских племен, которому предстоит сыграть важную миссию в истории его страны, вместе с Ираком многие века назад ставшей колыбелью мировой цивилизации.

Еще учась в школе, сообразительный юноша понял, что в народе зреет глухое недовольство правящей в стране королевской династией. Причины этого недовольства были весьма распространены – разрыв между «верхами» и «низами», нищета, бесправие, коррупция, кризис морали и падение нравов. «Низы» больше не хотели, чтобы так продолжалось дальше, но как изменить ситуацию, не знали. Однако молодой человек, казалось, четко представлял себе, что нужно делать. Каддафи, которому не было еще и двадцати, создает подпольную молодежную организацию для борьбы с монархическим режимом. Подобные организации стали возникать и в других частях страны. В 1964 году молодые нелегалы собрались на свой первый съезд. В ту пору окончивший школу и лицей Муаммар Каддафи уже служил в армии в офицерском чине. Делегаты съезда объявили о создании «Организации свободных офицеров юнионистов-социалистов», девизом которой, по предложению все того же Каддафи, стал лозунг египетской революции 1952 года «Свобода, социализм, единство!». Средством достижения своих целей «свободные офицеры» избрали военный переворот.

Впоследствии оказалось, что у «свободных офицеров» есть конкуренты. Мысль о военном перевороте также пришла в голову группе военных во главе с полковником Шелхи. Зная или догадываясь о том, что «свободные офицеры» помышляют о захвате власти, группа Шелхи решила отправить многих из них на стажировку за границу – чтобы не мешали.

Однако Каддафи со своими сторонниками сумели опередить «конкурирующую фирму». Восстание полковника Шел-

хи было назначено на 15 сентября 1969 года. «Свободные офицеры» решили выступить на две недели раньше. На рассвете 1 сентября в разных частях страны под руководством возглавляемого Каддафи Совета революционного командования (СРК) началось вооруженное восстание. Ливийская монархия рухнула за один день, как картонный домик. Военные быстро и без особых проблем взяли под свой контроль государственные и военные объекты, заблокировав подъезды к американским базам. В тот же вечер Муаммар Каддафи выступил по национальному радио, торжественно объявив о том, что революция, о которой мечтали народные массы, свершилась. «Мы будем руководствоваться принципами свободы, единства, социальной справедливости», – пообещал он. Верховная власть в стране перешла к загадочному СРК. Кто в него входит и кто стоит за никому не известными людьми, сулящими ливийцам «свободу и равенство», поначалу никто толком не знал – ни в самой Ливии, ни за ее пределами. Отправившийся на лечение за границу король Идрис, которого в одночасье лишили трона, изумленно следил за происходящим из газет и ничего не понимал. По свидетельствам очевидцев, терялись в догадках, выдвигая одну версию фантастичнее другой, и аккредитованные в стране дипломаты, военные журналисты. Кто-то говорил о «руке Москвы», кто-то – о спецоперации ЦРУ. Это была столь близкая будущему ливийскому лидеру таинственность и многозначительность, придавшая больший смысл его словам и поступкам. Только после двухнедельной паузы Муаммар Каддафи был официально объявлен лидером ливийской революции. Теперь это была уже его страна, из которой, как из пластилина, он мог лепить все что хотел. Тогда ему было только 27 лет.

Победа революции произвела переворот и в его личной жизни. До революции он был женат на дочери генерала Халида, заместителя начальника Генерального штаба королевской армии и одного из ближайших приближенных короля Идриса. Однако сразу же после революции ее лидер развелся с Фатимой. Ведь теперь она была из «бывших». И женился на медсестре из военного госпиталя Сафие.

Мудрость вождя

Победа в революции укрепила его веру в собственную гениальность и предназначенную ему особую историческую миссию. Ознакомившись со многими существующими в мире религиозными и

атеистическими учениями и теориями, предлагающими разные пути развития и концепции спасения, Каддафи решил, что должен создать собственное учение, которое превзойдет их все вместе взятые, предложив «окончательное решение проблем человечества». Так появилась его знаменитая «Зеленая книга», кстати говоря, уже переведенная на русский язык и выпущенная в Москве внушительным тиражом 100 тысяч экземпляров.

В «Зеленой книге» Каддафи решил превзойти всех – Маркса и Ленина, Христа и Мохаммеда, знаменитых философов, экономистов, психологов, социологов, культурологов всех времен и народов. В результате получился крепко шибящий в голову коктейль из научного социализма, ислама, теорий известных арабских националистов. Очевидно и то, что ее автор долго и серьезно изучал труды российских анархистов – Бакунина, Кропоткина. Их идеи легли в основу «Третьей теории» – одного из важнейших разделов «Зеленой книги».

Гневно обрушиваясь на политический строй государств так называемого «цивилизованного мира», Каддафи называет его «диктатурой в фальшивом обличье демократии». При этом увлеченно пускается в рассуждения, выглядящие очень эффектно. Вот характерный пример его гипнотизирующего стиля: «Референдум – фальсификация демократии. Те, кто говорит «да», и те, кто говорит «нет», на самом деле не выражают своей воли, а обречены современной демократией на молчание. Они могут сказать лишь одно слово – «да» или нет». Это наиболее жесткая и беспощадная форма диктаторского режима. Говорящий «нет» должен иметь возможность мотивировать, почему он сказал «нет», а не «да», а говорящий «да» должен иметь возможность объяснить, почему он сказал «да», а не «нет». Каждый должен иметь возможность обосновать свое желание, причину одобрения или неодобрения!»

В чем же выход? Каддафи видит его в создании «джамахирии» – государства, где через народные комитеты всем управляют сами революционные народные массы (по-арабски «джамахир» – народ). При этом ливийский лидер подчеркивает, что речь идет не о набившей всем оскомину «джумхурии», или «республике, как называются сегодня большинство арабских стран». Ливийский лидер подчеркивает, что «джамахирия» – его собственное изобретение, до которого не додумались другие братья-арабы, которым никогда не подняться до тех интеллектуальных вершин, до которых

поднялся он – великий и неповторимый Каддафи. Человек, не похожий на других во всем, даже в своих рассуждениях о спорте: «Бокс и разные виды борьбы свидетельствуют о том, что человечество еще не окончательно избавилось от пережитков варварства. Однако когда человек поднимется на более высокую ступень цивилизации, это неизбежно произойдет». Однажды, рассуждает автор, люди будут с усмешкой и смущением вспоминать о том, что занимались боксом и борьбой.

Как он перехитрил Америку

Впрочем, в реальной политике Муаммар Каддафи предстал антиподом тихого мыслителя, поясняющего агрессивному и недостаточно цивилизованному миру, сколь негуманно ударить человека даже во время боксерского поединка. Не ограничившись академической критикой «гнилых западных демократий», в 1970-е–1980-е годы лидер ливийской революции объявляет беспощадную войну Западу и прибегает к действиям, после которых экс-президент США Рональд Рейган называет Каддафи «бешеным псом Ближнего Востока». И это крылатое определение в течение не одного десятилетия определяет отношение к ливийскому лидеру не только американского истеблишмента, но и всего западного мира.

Каддафи начинает свой «геополитический бокс», нанося Западу один удар за другим. Творчески развивая известное положение классиков о праве нации на самоопределение, он оказывает активное содействие экстремистам из Ирландской республиканской армии, борющимся с британскими властями. Дескать, пусть они там, в Лондоне, не очень то расслабляются, зная, что и у парней из Ольстера в мире есть влиятельные друзья. В апреле 1984 года происходит инцидент, после которого Лондон и во все разрывает дипотношения с Триполи. У здания ливийского посольства в Лондоне застрелена сотрудница британской полиции Ивона Флетчер. Стреляют с посольской территории. Вскоре происходит еще одно событие, потрясшее цивилизованный мир, – взрыв на дискотеке в Западном Берлине, в организации которого обнаруживается «ливийский след». На дискотеке гибнут несколько американских солдат. Разъяренный Рональд Рейган решает примерно проучить «бешеного пса», после чего в апреле 1986 года американская авиация летит бомбить Триполи. Во время бомбардировки гибнет его приемная дочь, но сам Каддафи оказывается неуязвимым для американских ракет. ▶

В 1998 году ливийские террористы взрывают авиалайнер в Шотландии. В 2004-м британский премьер Тони Блэр приехал в гости к Каддафи, который сумел исподтишка выразить ему свое презрение

Обаятельный Муаммар не обделял вниманием представительниц прекрасного пола. В то же время он давно женат и имеет нескольких детей

► Спустя два года он наносит Западу еще один, пожалуй, самый чувствительный удар, после которого против Ливии вводят санкции и она надолго попадает в американский «черный список» самых опасных режимов современного мира. В 1988 году в небе над Шотландией двое ливийских террористов взрывают лайнер авиакомпании PanAmerican с 270 пассажирами на борту. Еще через год в небе Нигера взрывается самолет Air France. Следы опять ведут в Ливию.

Между тем полковник Каддафи все больше входит в роль неслегкаемого борца с империализмом и сионизмом. Он всерьез задумывается над созданием собственного оружия массового уничтожения – ядерного, химического и бактериологического. В тайных лабораториях и научных центрах работа идет по 24 часа в сутки.

Что касается Израиля, то здесь ливийский лидер претендует на то, чтобы переплюнуть братьев-арабов по части ненависти к «сионистскому образованию». Однако заметим, в войне 1973 года, получившей название «война Судного дня», сражаются египтяне и сирийцы. Но не ливийцы. Потому что Каддафи хитрее и зря на рожон не лезет. Он гневно призывает сбросить евреев в море, но предпочитает делать это из своей резиденции в пустыне. И только спустя много лет выясняется, что его эмиссары ведут тайные переговоры с еврейским государством. В общем, Каддафи опять демонстрирует удивительную способность к невероятным перевоплощениям.

Сегодня он бьет себя в грудь и пытается внушить всему миру, что был не в курсе, когда ливийцы совершали теракты. И поскольку он отличный актер, многие в Ливии ему верят. Впрочем, его обаянием очарованы не только ливийцы. 8 апреля этого года в Вашингтоне происходит еще одна необычно-загадочная история. В ходе открытого заседания независимой комиссии по расследованию терактов 11 сентября 2001 года советник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс в течение двух часов обстоятельно рассказывает о войне, которую международные террористы ведут против США уже 20 лет. Останавливается даже на малозначительных эпизодах. Но при этом не говорит ни слова о деле Локкерби, которое до 11 сентября считалось самым крупным терактом против американских граждан. Более того, Райс начинает хвалить Каддафи. Родственники жертв трагедии не верят своим ушам. Кто-то негодует, считая это оскорблением памяти погибших, кто-то пребывает в растерянности.

Между тем монолг Райс – еще одно доказательство того, что ливийский вождь как политический экстрасенс способен загипнотизировать и подчинить своей воле не только глядящие ему в рот народные массы, но и администрацию Буша, наивно верящую, что это она сегодня подчиняет себе весь мир. Во вся-

ком случае, Муаммара Каддафи себе уж точно не подчинила. В действительности же все не так просто. «Плохой парень» мировой политики – лидер ливийской революции Муаммар Каддафи – вдруг оказался первым учеником. Первым показал другим «плохим парням» пример того, как можно выжить в эпоху наивно-прямолинейного Джорджа Буша. Как все гениальное, рецепт прост – провести сеанс саморазоблачения, покаяться в грехах и не бодаться с дубом. Не такая уж большая плата за то, чтобы сохранить за собой сказочно богатую и абсолютно покорную тебе страну.

В итоге Каддафи добился того, чего не удалось сделать Саддому Хусейну, – перехитрил Америку. Из врага превратил ее в друга, после чего в Триполи потянулись западные лидеры, спешащие расцеловать вчерашнего мерзавца. До Тони Блэра прилетал итальянский премьер Сильвио Берлускони, который сошел с трапа самолета с таким видом, словно это самый счастливый день его жизни. Теперь можно со стопроцентной уверенностью утверждать, что, по крайней мере, до тех пор пока у власти в Вашингтоне будет оставаться та же команда, с головы Каддафи не упадет ни один волос. Несмотря на то что кумир Джорджа Буша Рональд Рейган и считал ливийского полковника бешеной собакой.

Как это ни парадоксально, но сегодня не судьба Каддафи зависит от Буша, а судьба Буша, у которого на носу президентские выборы, зависит от Каддафи. Ведь ливийский лидер выглядит образцово-показательным примером того, как твердость и непреклонность нынешнего главы Белого дома через год после свержения иракского диктатора дает свои плоды. У американской публики создается впечатление, что эта твердость заставляет трепетать мировых негодяев, перевоплощая их в блудных сыновей, которые свое отблудили и все осознали. Сегодня Каддафи позарез нужен Бушу как доказательство того, что в Ираке тот поступил правильно. Джордж Буш и не подозревает о подвохе. Не понимает, что оказывается под воздействием ливийского мага, чья стихия – вечные перевоплощения.

В сетях спецслужб и колдунов

В течение десятилетий по кирпичику складывая свою социалистическую джамахирию, которая, по его замыслу, должна была стать прототипом будущего строя землян, Муаммар Каддафи, конечно же, не мог не оглядываться на «одну шестую часть земли», задолго до него попытавшуюся оказаться «впереди планеты всей». Однако это было вовсе не раболепное копирование советской модели, столь популярное в свое время в получивших независимость странах Азии и Африки. Ведь, напомним, этот самовлюбленный и ве-

рающийся в свое величие человек никогда не мог представить себя в роли ученика, а не учителя. На самом деле строительство описанной в «Зеленой книге» «страны народных комитетов» с самого начала было проникнуто духом скрытого соперничества со Страной Советов и призвано показать, что ливийский социализм гораздо лучшее и совершеннее советского.

Напомним, что на бумаге все было замечательно – ведь речь шла о стране прямого народовластия, осуществляемого через народные комитеты. Что касается лидера, то его роль формально как бы выводилась за рамки политической системы. Не случайно у Муаммара Каддафи сегодня нет традиционного для первых лиц титула – он не президент и не премьер-министр, как, впрочем, и не генсек. Поскольку ливийская модель официально отрицает государство, Каддафи является всего лишь «лидером ливийской революции».

Казалось бы, в такой стране раскрепощенные люди по определению не могут быть лишь винтиками государственной

умудряется делать то, что считает нужным. Причем на любом уровне: от мелкой лавки до госструктур. Социалистической революционной дисциплины нет и в помине. Если вы сумеете найти кого-то на рабочем месте, вам крупно повезло. А за простой справкой можно ходить годами.

Из практики социализма позаимствованы такие явления, как, например, система продуктовых пайков. В 1980-е годы в магазинах не было даже мыла. Затем ситуация несколько улучшилась, во многом благодаря личной инициативе мелких ливийских коммерсантов, или челноков, которые любыми путями пытались завезти в страну все, чего не хватало. Вообще же каждая ливийская семья имеет так называемую семейную книгу – «кутейбу», где записаны нормы выдачи продуктов, вернее, прожиточного пайка: сахара, чая, риса, муки. Все это население покупает по очень дешевым ценам. В то же время фрукты, овощи, мясо стоят очень дорого. К примеру, в море полно креветок, а стоят они до 60 динар, то есть 45 долларов за килограмм.

машины. А лидер этой страны должен быть мудрым наставником и арбитром, наблюдающим за творчеством масс со стороны. На самом деле, как это часто бывает с непредсказуемым Каддафи, все у него получилось с точностью до наоборот. В сегодняшнем мире почти не осталось стран, столь же бесконечно далеких от «подлинного народовластия», как Ливия.

Говорят, что ни одно общество в мире не окутано такой сетью спецслужб, как ливийское. Каждый четвертый, если не третий ливиец сотрудничает с местными спецслужбами – «мухабарат». В результате абсолютно все находится под колпаком у «органов».

Но вот еще один парадокс – несмотря на столь жесткий контроль, каждый

Главным рычагом продвижения по службе оказываются не ум, знания и рабоспособность, а принадлежность к тому или иному клану. Править страной Каддафи помогают родственники, люди из его клана или близкие семье проверенные кадры. В результате вождь бесконечно тасует одну и ту же колоду – одни и те же высокопоставленные лица переходят с одного места на другое. Например, сегодня некто курирует спорт, завтра этот человек уже отвечает за экономику, а послезавтра его могут перебросить на культуру. Многие решают интриги. Каддафи капризен и вспыльчив, и подчиненные этим пользуются. Например, когда ему сообщают о каком-то чиновнике, его первый порыв – немедленно наказать.

Чиновника снимают, проходит определенное время, и вот он как ни в чем не бывало всплывает вновь.

Еще одной уникальной чертой ливийской социалистической джамахирии является повальное увлечение мистикой и всякой чертовщиной, идущее от самого вождя. Как выясняется, оккультные силы могут плодотворно работать на великой стройке социализма. Чуть ли не каждый второй ливиец посещает магов-шейхов, пытаясь с их помощью решить те или иные проблемы. Например, у вас есть недруг. Вы идете к шейху, рассказываете о своей проблеме, он вас выслушивает и дает рецепт – записочку или какой-то предмет наподобие волоса тигра или другого животного. Вы должны положить эту записку или волос под дверной ковер у порога вашего врага или еще лучше в его машину.

Дома известных колдунов напоминают резиденции министров или других важных чиновников. Часто можно видеть, как сюда подъезжают машины с армейскими или правительственными номерами или номерами госбезопасности. Все эти, казалось бы, серьезные люди обращаются к шейху для решения своих проблем.

Хотя в стране несколько тысяч магов, особенно ценятся несколько, числом не более десяти. Это все чернокожие маги из центральной Африки. К ним наведывается и сам лидер ливийской революции. А его жена, как рассказывают, почему-то предпочитает колдунов марокканских.

Шерше ля фам

Наше представление о восточной женщине сформировано кинолентой всех времен «Белое солнце пустыни». Помните, «Гюльчатай, открой личико!» На Востоке, в том числе на арабском Востоке, женщина и сегодня остается по большей части все той же Гюльчатай. Однако Ливия и здесь, как и во всем остальном, оказывается не похожей на другие восточные царства.

Ливийская женщина чувствует себя гораздо свободнее, чем женщины во многих других арабских странах. Многие ливийки не довольствуются ролью домохозяйки, идут на службу и нередко занимают высокие посты. Немало и таких, кто не имеет никаких постов, но при этом гораздо влиятельнее многих министров. Что это – ливийский аналог западной эмансипации, победа ливийского феминизма?

Вовсе нет. Секрет столь высокого статуса ливийских женщин кроется в том, что вся страна стала одним большим гаремом ее вождя. И хотя сам он пытается играть роль образцового многодетного семьянина и не раз заявлял, что «мужчина должен довольствоваться только одной женой», ни для кого не секрет, что Муаммар Каддафи – главный Казанова страны, имеющий право первой ночи и не помнящий, сколько тысяч любовниц у него было. Такое причудливое воплощение в реальной жизни получает сформулированный им в той же «Зеленой книге» тезис о том, что «женщина должна обладать полными правами, исключая права на превращение в мужчину и отказ от своей женственности».

«Отставленные» любовницы никогда не сетуют, ибо всех их вождь щедро одаривает, дает возможность заняться бизнесом или, что самое распространенное, – выдает замуж за людей, которых потом благодаря своим бывшим подругам полностью контролирует. Известно и о гвардии женщин-телохранителей Каддафи. Самые симпатичные и покладистые быстро продвигаются по службе и затем пополняют когорту влиятельных дам Ливии. Многие запросто вхожи к лидеру революции и могут уладить любое дело. Пример с Каддафи берут и члены его окружения, высокопоставленные чиновники. Это своеобразный гибрид проституции и бизнеса – еще одно социальное ноу-хау джамахирийской модели. Добиться в Ливии чего-либо по протекции имеющей колоссальные связи дамы-подруги влиятельного человека, которую здесь называют «гяхба», – привычное явление.

В общем, женщина в Ливии – больше чем женщина. Говорят, что большинство

нынешних министров сделали карьеру именно благодаря своим подругам.

Борец за чистоту расы

Мания ливийского величия не раз рождала в голове Муаммара Каддафи безумные проекты, вроде «Соединенных Штатов Африки». В свое время, разочаровавшись в «трусости и капитулянтстве арабов», полковник решил стать лидером Черного континента и повести его за собой «к свободе, к свету». При этом он поставил задачу создать новую сверхрасу, смешав ливийскую кровь с негритянской.

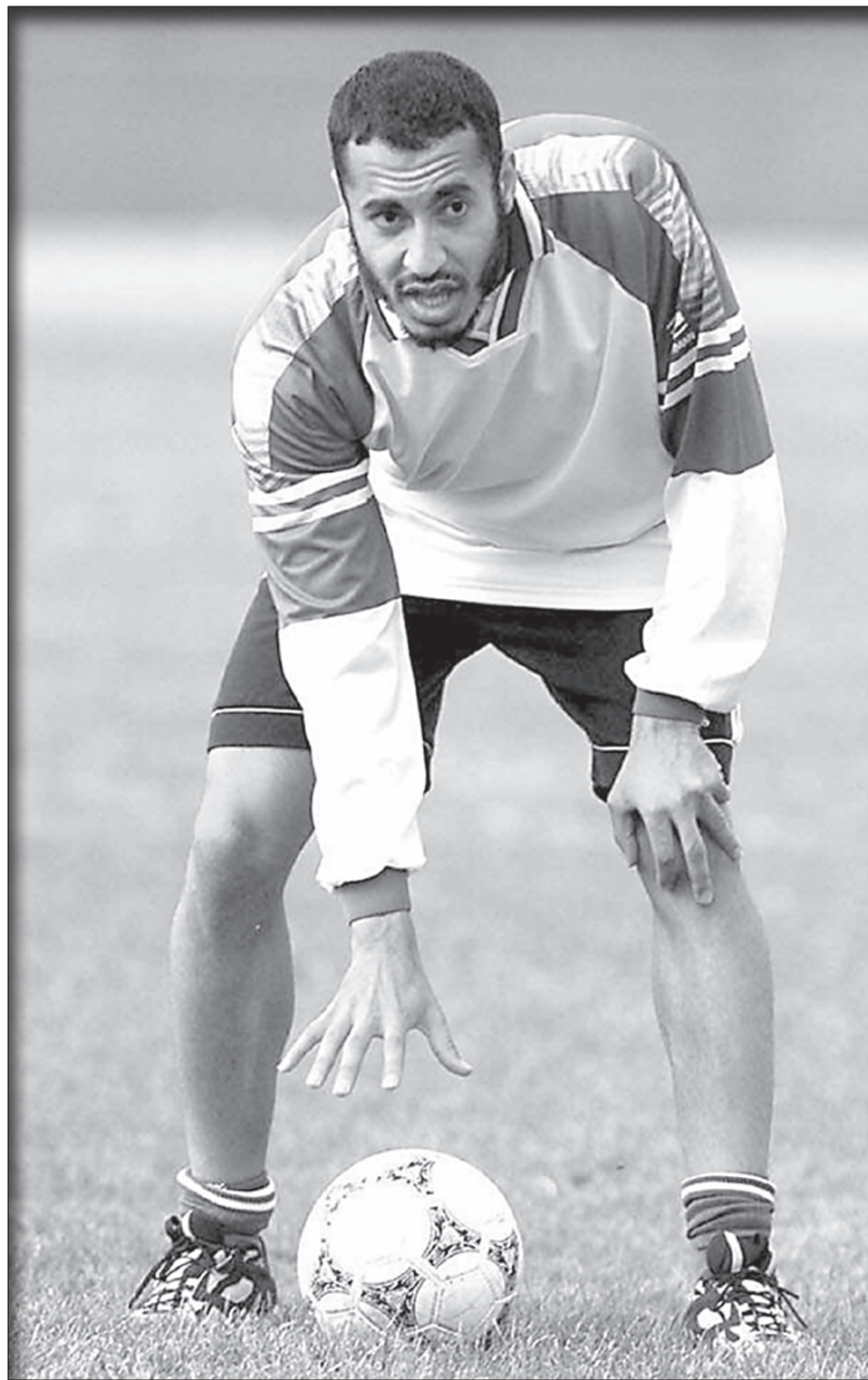
Стратегия покорения Африки, впрочем, оказалась достаточно простой. Для ее осуществления Каддафи решил подчинить себе – в финансовом и экономическом отношении – как можно больше африканских стран. С этой целью в Ливии были созданы сотни фирм, которые стали внедряться в разные страны, подчинять себе самые перспективные отрасли, скупать землю, территории, где есть полезные ископаемые. Первопроходцами, как и следовало ожидать, оказались проверенные люди из системы госбезопасности. Затем в Африку поехали соплеменники Каддафи из племени каддафа. Вождь настаивал на том, чтобы ливийские мужчины, находясь в африканских странах, обзаводились женами и детьми, даже если у них есть семьи в Ливии. Он уже видел себя отцом и богом новой расы. А тем временем его жена стала «королевой алмазов», контролирующей алмазные прииски в ряде стран. Еще одной стартовой сотрудничестве с Африкой стал наркобизнес. Поставки африканских наркотиков в Европу сегодня идут

Ливийскому лидеру принадлежало не менее 143,8 тонн золота (6,5 миллиардов долларов), укрытых на территории государства. Эти деньги считались собственностью ливийского Центробанка, который находится под полным контролем лидера революции

через Ливию. Естественно, с благословения Каддафи.

Правда, следует отметить, что появление сверхрасы, судя по всему, откладывается. Некогда наивные как дети африканские лидеры в последнее время дают понять, что раскусили ливийского лидера. Ливийские кредиты нам нужны, а вот Соединенные Штаты Африки – нет, хором говорят они. Так что очередная завиральная идея полковника из Триполи оказывается очередной великой утопией.

Один из его сыновей Саади аль-Каддафи играл в национальной сборной Ливии по футболу, а также в итальянских клубах высшего дивизиона Perugia и Udinese

Месяц ганнибал

С некоторых пор он свел до минимума общение с внешним миром, избрав местом своего постоянного обитания Азизию – военную базу, где размещается ливийское военное командование и палаточный бедуинский городок. Здесь же, в роскошном бедуинском шатре, приспособленном под представительские нужды, он принимает гостей, словно дело происходит не в XXI веке, а много столетий назад. Этот человек и в самом деле живет по своему времени, отличному от времени остального мира. Традиционно ливийский народ использовал исламский календарь, ведущий летоисчисление с момента переселения пророка Мохаммеда из Мекки в Медину. Однако ливийский вождь счел это неправильным и стал отсчитывать мусульманскую эпоху с момента смерти пророка. Впрочем, не только это отличает ливийский календарь от основного мусульманского. Каддафи взял за основу европейский год и переименовал в нем месяцы. В результате август, названный в честь римского императора Августа, стал «ганнибалом» – в честь карфагенского военачальника. Июль, названный в честь Юлия Цезаря, теперь называется «насер» – в честь бывшего египетского лидера Гамала Абделя Насера. Из-за многочисленных реформ календаря ливийцы окончательно запутались, «какое нынче тысячелетие на дворе». Некоторые газеты выходят с двумя различными датами, отталкиваясь от двух летоисчислений. А одна из газет, «Аль-Джамахирия», в верноподданническом порыве даже начала отсчитывать время с 1969 года – года прихода к власти Муаммара Каддафи.

В общем, нет, наверное, в мировой современной политике деятеля сумасброднее и одновременно хитрее, чем Муаммар Каддафи – простой полковник, который правит богатейшей страной с нищим населением уже три с половиной десятилетия.

PS. Утром 20 октября 2011 года отряды Национального переходного совета предприняли очередной штурм Сирта, в результате которого им удалось взять город. При попытке вырваться из осажденного города, Муаммар Каддафи был взят повстанцами в плен. По некоторым данным, его пытались вывезти из Ливии в Нигер группа южноафриканских наемников из 19 человек по специально заключенному контракту. Авиация НАТО открыла огонь и остановила конвой из внедорожников, иностранцам дали возможность скрыться. Повстанцы сумели захватить раненого Каддафи, после чего его тотчас окружила толпа, которая стала издеваться над ним. В последние минуты жизни Муаммар Каддафи призывал повстанцев одуматься: "Харам алейкум... Харам алейкум... Позор вам! Вы не ведаете греха?!" На этом закончился 42-летнее правление полковника Каддафи и революция, которую он провозгласил после свержения монархии в 1969 году.

«П-пп-п-ринс В-а-а-аа-сильчиков» и другие

MAKLEDIE-RUS.RU (ЖУРНАЛ «НАШЕ НАСЛЕДИЕ»)

■ Тимур ДМИТРИЧЕВ

Публикация 2011 года

За время многолетней работы в Секретариате ООН мне довелось познакомиться с немалым числом белых эмигрантов, среди которых были князья и помещики, адвокаты и поэты, меньшевики и монархисты. С ними было связано несколько интересных и смешных историй. Необычным был приход в переводчики-синхронисты князя Георгия Васильчикова. Он родился в Германии, получил там образование, а затем поселился с семьей во Франции, где после войны стал специалистом по русской литературе. Княжеское достоинство было приобретено личными заслугами его предка Иллариона Васильевича, героя Отечественной войны 1812 года. До революции семья Васильчиковых оставалась одной из самых известных аристократических фамилий России.

Средство от заикания

Организаторы Нюрнбергского процесса 1945–1946 годов решили проводить его работу на английском, русском, французском и немецком языках, в том числе с применением синхронного перевода. До Нюрнберга синхронный перевод применялся всего один раз в 1921 году на конгрессе Третьего Интернационала в Москве. Даже Лига наций, где было всего два рабочих языка – французский и английский – пользовалась только последовательным переводом, хотя он и вызывал большую потерю времени.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА, КОТОРЫЙ НАЧИНАЛ СВОЮ КАРЬЕРУ ПЕРЕВОДЧИКОМ В ООН И ВСТРЕТИЛ ТАМ «ТЕХ ЕЩЕ» РУССКИХ

Так что синхронистов тогда не существовало, и их нужно было подготовить. Задача по обеспечению языковых служб была возложена на американского полковника, лингвиста Донована и его французского коллегу. Довольно скоро стали поступать заявления от желающих, и после проверок кандидатов их начали готовить в синхронисты.

Подавляющее большинство кандидатов оказались русскими интеллигентами или аристократами. Они не только знали по несколько иностранных языков по традиции их воспитания, но, родившись или пожив в разных странах Европы, владели этими языками, как родными. Благодаря этому русские кандидаты могли переводить как с русского, так и в комбинациях с разных языков.

Синхрон требует быстрой реакции, мгновенного преобразования услышанного на другой язык – с его собственными структурной предложений, грамматическим строем, способами выражения мысли. В этом заключаются особые трудности синхронного перевода, и не каждому знатоку языков их удается преодолеть. Вот почему через некоторое время после начала тренировок ряд кандидатов отпал.

И все же постепенно удалось сформировать почти полную команду синхронистов, но за короткий срок, оставшийся до открытия процесса, требовалось найти еще 2–3 человека. У Юрия Хлебникова, уже принятого на работу, но, как и остальные, продолжавшего тренировки до открытия суда, в те дни гостил его двоюродный брат Георгий (Жорж) Васильчиков. Однажды Васильчиков заехал за Хлебниковым на работу и в ожидании зашел в одну из пустовавших будок послушать тренировавшихся на синхроне. Через несколько минут он решил из любопытства переводить сам. За этим занятием его застал в будке Хлебников, который был поражен услышанным. Не только потому, что Георгий с первого раза сносно переводил. Но больше всего потому, что он переводил бегло, будучи заикой!

Сами не понимая, как Васильчикову во время перевода удавалось говорить без заикания, братья несколько раз проверили верность сделанного ими откровения. Поскольку перспектива работы на суде привлекала Васильчикова, они решили, что прежде чем обращаться с просьбой к руководству на этот счет, ему нужно походить на тренировку отдельно, пользуясь свободной кабиной. Васильчиков начал тренироваться, и однажды зашедший в комнату прослушивания французский помощник Донована услышал среди знакомых голосов новый голос. Француз констатировал, что по каналу шел неплохой перевод, и решил спросить, кто был этот незнакомец. Хлебников признался, что по собственной инициативе приводил своего брата на тренировки и что собирался представить его в качестве кандидата.

Хлебникову предложили привести Георгия для знакомства с начальством. Когда взволнованный Васильчиков оказался перед французом, тот представился и спросил, кто он, какими языками владеет и как давно тренируется. Еще больше разволновавшись, кандидат начал называть свой титул и фамилию с более сильным, чем обычно, заиканием, выдавливая из себя по-французски «п-п-п-ринс В-в-в-аа-сильчиков» и остальную часть своего ответа. Француз, услышав вымученную фразу, решил, что Георгий его разыгрывает, и недовольно попросил князя не заниматься клоунадой, а обсудить интересующий их обоих вопрос. Когда, опять с заиканием, Васильчиков начал объяснять свою проблему, француз, окончательно решив, что тот валяет дурака, вскипел от возмущения и предложил или разговаривать серьезно, или выйти из комнаты. Присутствовавший Хлебников вступил в беседу и рассказал французам все как есть. Естественно, тот отказывался верить, но после реального опыта с переводом, пораженный услышанным, принял князя в группу. Васильчиков, таким образом, стал синхронистом и в течение многих лет за-

нимался переводом, пока не перешел в административно-финансовое подразделение в Европейском отделении Секретариата в Женеве.

Несколько лет спустя специалисты определили, в чем причина этого «чуда». Когда Васильчиков находился в кабине, он надевал, как и все синхронисты, наушники, через которые слушал оратора в зале. Начиная переводить, он сосредоточивал все внимание на речи выступающего и переставал слышать самого себя, что снимало тот речевой тормоз, который мешал ему говорить при обычном общении.

Этот его речевой дефект в контрасте с профессией синхронного переводчика вызывал немало неожиданных, а порой и комичных ситуаций. Во время второй сессии Конференции ООН по торговле и развитию, проходившей в 1968 году в Дели, правительство Индии устроило прием в честь ее участников. Прием проходил в одном из дворцов махараджей, где каждого встречал дворецкий, наряженный в индийский костюм и с посохом в руке. Спрашивая фамилию у гостя, дворецкий оборачивался в сторону стоявшего в отдалении правительства во главе с Индирой Ганди и, трижды стукнув посохом об пол, объявлял прибывшего. Васильчиков в ответ на просьбу дворецкого представился в своей обычной манере: «П-пп-п-ринс В-а-а-аа-сильчиков». Выслушав представление, дворецкий повернулся к кабинету министров, стукнул посохом, и, не моргнув глазом, объявил: «П-пп-п-ринс В-в-а-а-аа-сильчиков!» Разговоры присутствующих смолкли, и все взоры обратились на носителя княжеского титула со столь экзотичным именем. Когда же князь проходил мимо дворецкого, тот, удивившись его длинной фамилии, не преминул поинтересоваться: «Сэр, вы не из Индонезии?» «Н-не-ет», – ответил ему светловолосый Васильчиков и стал спускаться в зал приема.

Склоняется ли г-н Ху?

Соня Слоним была яркой фигурой среди моих коллег-эмигрантов. Она обладала быстрым умом и едким языком, который, впрочем, избегала применять в отношении советских. Поскольку она выросла вне русской народной массы, в ее словаре были некоторые пробелы, о которых она не подозревала. Однажды она работала в Совете Безопасности, когда в его составе был еще Тайвань. Посол Тайваня Виктор Ху прекрасно говорил на всех тогдашних рабочих языках ООН, включая русский, который он выучил в Петербургском университете в предреволюционные годы,

На масштабном Нюрнбергском процессе потребовались услуги большого числа переводчиков с разных языков

когда его отец был послом (как оказалось, последним) Китая при царском дворе.

На том заседании Виктор Ху выступил с пространным заявлением в духе холодной войны и вызвал много комментариев как со стороны своих союзников, так и оппонентов. Выступавшие за ним делегаты ссылались на заявление Виктора Ху, говоря, к примеру: «В выступлении г-на Ху подчеркивалось, что...»

Соня Слоним в силу своей невинной неосведомленности склоняла фамилию посла Тайваня во всех падежах, что поначалу вызывало сдержанные усмешки среди делегаций, слушавших русский перевод. Поскольку Соня продолжала воевать с падежами, смешки стали перерастать во взрывы и даже раскаты смеха к недоумению делегатов, слушавших другие языки. Для сохранения приличий слушавшие Соню делегаты, включая тогдашнего нашего посла Николая Федоренко, несколько раз покидали зал заседания, чтобы отвести душу в коридоре, и затем, овладев собой на какое-то время, возвращались на места. Заинтригованные смешливым настроением русскоязычных делегатов их соседи стали обращаться к ним с вопросами. Получив разъяснения, другие делегаты тоже начинали смеяться и передавать эту информацию своим соседям. Через некоторое время большинство делегаций-членов Совета Безопасности пребывали в приподнятом настроении. Чтобы вернуть всех к серьезному настрою, председатель объявил перерыв на 15 минут.

С началом перерыва Соня выключила микрофон, сняла наушники и с удивлением прокомментировала: «Не могу понять, что это они так развеселились!» Но развеселились не только делегаты, но и вся команда переводчиков, которая слушала Сонин перевод или узнала, что произошло. К Соне подошла Лиза Хейворд – наша другая русская коллега, работавшая во французской будке, – и увела ее к себе переговорить наедине. Более подготовленная к трудностям русской лексики Лиза, видимо, объяснила Соне, что вызвало смех в зале, после чего последняя, опустив низко голову и закрыв руками лицо, стыдливо выскочила из коридора, где располагались кабины переводчиков, и в тот день на работе больше не появлялась.

Поэт и пень

По каким-то причинам Соня недолюбливала вольнонаемного русского синхрониста Игоря Астрова. Конечно, Астров был довольно нелегкий коллега, так как старался перекладывать часть рабочей смены на партнера по кабине. Он всегда опаздывал к началу своей смены или уходил до завершения заседания, а то и просто пропускал свою смену под разными предлогами, одним из любимых среди которых было заявление, что у него «выскочила почка» и что ему поэтому пришлось идти в медпункт и лежать в комнате отдыха для беременных женщин.

Астров писал и переводил стихи, считая стихотворчество своим настоящим призванием. Он всячески стремился это подчеркивать, нося разудалый галстук-бабочку, не от мира сего выражение на

лице и разбросанную копну выющихся волос. Некоторые работы ему удавалось публиковать маленьким тиражом, в основном за свой счет, как, например, перевод на французский сонетов Шекспира. Но твердого выхода в печать ему найти не удавалось. Зная, что Соня Слоним была сестрой жены Владимира Набокова и часто виделась с ним, Астров предпринимал безуспешные попытки расположить Соню к себе.

Однажды мы с Соней возвращались после заседания в офис, когда на пути возник Астров с пачкой бумаг в руках. «Сонечка, милая, – начал Астров весь в сияющей улыбке. – Вы сегодня особенно хороши! Ну, просто очарованы! Вот тут у меня стихи, что я написал не так давно. Мне бы так хотелось их опубликовать. Они, знаете, очень хороши, и до публикации я их держу в несгораемом шкафу. Что бы вы могли мне посоветовать?» «Игорь Николаевич, положите их в сгораемый», – решительно посоветовала Соня.

Среди прочего Астров одно время носился с рядом предложений о сдаче кому-то из нас то части своего дома за городом на Лонг-Айленде, то домов якобы его ближайших друзей, обещая привлекательные условия. Он особенно приставал к советским сотрудникам, зная, что многие из-за детей на несносно жаркий период нью-йоркского лета снимали обычно на две семьи самые дешевые домишки на берегу океана или залива. Его репутация всех отпугивала, но ему все-таки удалось сдать на одно лето какое-то загородное строение делегации Монголии.

Иногда такая жадность оборачивалась против него самого. Так, однажды к Астрову в его дом на Лонг-Айленде пришла комиссия местной мэрии, сообщившая ему о планах проведения шоссейной дороги, которая должна была задеть часть принадлежавшего ему участка. Комиссия показала проект дороги в касавшейся его собственности части и предложила выкупить ее у него за кругленькую сумму. Смекнув, что на возникшем деле можно заработать, хозяин стал торговаться, но комиссия, утверждая, что она заранее дала ему более высокую цену, платить больше не хотела. Поскольку Астров уперся, комиссия удалась, предоставив ему некоторое время подумать.

Через несколько дней владелец участка сам явился в комиссию и заявил, что ему нужно заплатить более высокую цену, потому что на отсекаемой по плану части его территории растет очень старое дерево, под которым, по его сведениям, во время войны за независимость США несколько ночей ночевал Джордж Вашингтон. По аргументам Астрова, при потере этого исторического дерева стоимость его участка резко пострадает, и потерю необходимо компенсировать при сделке. Члены комиссии были потрясены этим историческим открытием. Вашингтон, как им было известно еще из школьных учебников истории, действительно провел некоторое время на Лонг-Айленде, но о том, что он был в этом месте и ночевал под дубом, которым теперь владел Астров, они ничего не знали. Поскольку в Америке невероятно бережно относятся к памятникам истории, члены

комиссии, хотя и имели все основания не верить в легенду, все-таки решили исследовать данный вопрос и попросили хозяина дуба подождать их ответа.

Пока комиссия занималась выяснением, над Лонг-Айлендом разразилась сильнейшая гроза, которая здесь случается нередко, и молния поразила «историческое» дерево, сломав его почти у основания. Астров в невероятном расстройстве явился в комиссию, сообщил о гибели дерева и сказал, что теперь готов принять ранее предложенные условия.

АНДРЕЙ ВАРФОЛОМЕЕВ «РИА НОВОСТИ»

Предок Георгия Васильчикова – Илларион Васильевич, генерал от кавалерии, председатель Государственного совета

Однако комиссия нанесла Астрову еще один удар, поставив его в известность о том, что проектировщики решили перенести участок дороги в другую сторону, и покупать часть его территории не будут.

Эмоциональный Астров тяжело переживал ушедшую из рук выгодную сделку, но теперь ему нужно было избавиться от большого дерева и огромного пня, оставшихся на его участке. Эти работы означали большие расходы, которых Астров хотел избежать. Наводя справки, он узнал, что у руководителя Службы синхрона Даниеля Хогга выкорчевывание пней было хобби. Астров преподнес Хоггу подарок в виде пня для выкорчевывания, чем последний с радостью воспользовался, пень был бесплатно уничтожен, а само дерево было распилено на дрова для камина хозяина.

Переводчик со своим мнением

Вольнонаемный синхронист Лазарь Инбер в основном работал в Женеве. Он был племянником известной советской поэтессы Веры Инбер, но отношений с ней не поддерживал. Лазарь был единственным из всех вольнонаемных, которому каким-то образом удавалось работать в ООН почти постоянно, получая сущные и зарплату, т.е. как бы находясь почти в постоянной командировке. Он был невероятно самоуверен, считал себя настоящим экспертом в вопросах экономики и финансов и стремился получать работу в тех органах, которые занимались этой проблематикой.

Однажды он оказался на последовательном переводе в одной из групп экспертов по финансовым аспектам международной торговли. Надо отдать должное Инберу в том, что он обладал великолепной памятью и очень хорошо работал. Когда на встрече выступал первым оратором делегат Бельгии, Лазарь деловито слушал его, делал необходимые записи и очень точно перевел на английский всю 15-минутную речь делегата. Вторым слово взял представитель Ирландии. Слушая его выступление и делая лишь некоторые пометки в рабочем блокноте, Лазарь всеми телодвижениями и мимикой свидетельствовал присутствующим, что речь ему явно не нравилась, но затем он должным образом перевел ее на французский, хотя вся его интонация говорила о недовольстве ее содержанием. Затем слово получил представитель Польши, но после нескольких минут его выступления Инбер демонстративно перестал вести запись

речи, швырнул карандаш в свой блокнот, сложил на груди руки и стал безразлично смотреть в окно на улицу.

Когда поляк закончил, Инбер, вместо того чтобы переводить его выступление, обратившись к председателю от себя лично, заявил: «Господин председатель, я не вижу смысла переводить уже в третий раз одно и то же и просто тратить ваше время и деньги ООН. Дело в том, что делегат Ирландии сказал фактически то же самое, что было сказано до него представителем Бельгии, а выступление польского эксперта повторяло их обоих. Дайте мне, пожалуйста, 5 минут, и я вам скажу, что нужно сделать, чтобы решить обсуждаемый вопрос».

Оправившись после шока от дерзости переводчика, председатель напомнил Лазарю, что здесь выступают назначенные правительствами эксперты, что только они могут оценивать заявления своих коллег, что ему нужно делать то, зачем он был направлен в их группу, т.е. переводить, и предложил Инберу сделать перевод представителя Польши. Совершенно не смутившийся этим выговором, Лазарь с брезгливым выражением на лице точно и полно перевел и речь поляка, а затем и нескольких последующих ораторов. В ходе перерыва председатель группы связался с руководителем службы синхрона, выразил возмущение экспертов неприемлемым поведением их переводчика и попросил больше никогда не направлять его в их группу. После возобновления заседания вместо Инбера работал уже другой переводчик, а Лазарь прочно засел на синхроне, подальше от делегатов.

Племянник Ильича

Как-то раз, когда я в рабочей кабине конференц-зала просматривал документы перед заседанием очередного комитета, в ней появился пожилой, приятной внешности незнакомец и представился просто и естественно: «Первушин, ваш коллега. Сегодня мы будем работать вместе».

В первый раз мы проработали вместе недели три. А к концу нашего рабочего раунда Первушин поразил меня признанием, что он – племянник Ленина. Со своим советским менталитетом я не допускал даже мысли, что у Ленина могли быть родственники, покинувшие советскую Россию, и с недоверием переспросил Первушина, имел ли он в виду Владимира Ильича Ленина. «Да-да, именно его».

Оказалось, что в 1918 году Николай Первушин, как когда-то и его всемирно известный дядя, был студентом Казанского университета. В ответ на введение советскими властями новых порядков, ущемлявших и даже отменявших академические свободы в университетах, студенты начали кампании протеста, которые приводили порой к столкновениям с новой властью. Будучи одним из лидеров студенческого движения в университете, Первушин несколько раз подвергался арестам, а после одной бурной демонстрации его и вовсе посадили в тюрьму без всякого суда. В ходе разбирательства следствие установило, что заключенный Первушин – племянник вождя революции! Опасаясь неблагоприятной реакции сверху, местные власти решили довести этот вопрос до сведения центра. О деле было доложено самому Ленину, который решил избавиться от позорившего его родственника и распорядился выслать его за границу.

Так Первушин оказался в эмиграции и больше никогда Россию не видел. После скитаний по Европе племянник навсегда осел в Канаде, которая природой больше всего напоминала ему Россию. Преподавал русский язык и литературу, был профессором Норвичского университета в штате Вермонт, занимался переводами в качестве вольнонаемного, в том числе и в ООН, многие годы был директором знаменитой «русской деревни» при упомянутом университете в США, где американцы готовили разного профиля специалистов по СССР. Когда Первушин скончался в возрасте более 90 лет, самая крупная американская русскоязычная газета «Новое Русское Слово» посвятила этому человеку целую полосу.

RU.WIKIPEDIA.ORG

До Нюрнберга синхронный перевод применялся всего один раз на конгрессе Третьего Интернационала в Москве

С нами тайное становится явным

Главный редактор:
Олег Анатольевич СОЛОВЬЁВ

НАД ПРИЛОЖЕНИЕМ РАБОТАЛИ:
Александр КЛИЩЕНКО, Ирина ШМЕЛЁВА

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС»

Адрес учредителя:
121099, г. Москва,
ул. Композиторская, д. 17

Генеральный директор:
Павел ЗВЕРЕВ

Адрес редакции:
127247, Москва,
Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2
e-mail: sovsek@sovsek.com
Телефон: +7 499 288 00 72

ПО ВОПРОСАМ РЕКЛАМЫ:
Операционный директор:
Андрей КОРАБЛИН
+7 499 288 00 72;
e-mail: reklama@sovsek.com

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
+7 499 288 00 89

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
+7 499 288 00 89

Издание зарегистрировано
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-58624 от 11.08.2014г.

Интернет-версия газеты:
www.sovsekretno.ru

Подписано в печать 09.11.2020 г.
Выход в свет 10.09.2020 г.
Общий тираж: 100 000 экз.

Свободная цена.
Распространяется только в розницу.

Приложение печатается в городах:
Москва, Хабаровск

Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
не заказанные ею рукописи и иллюстрации.
Перепечатка материалов, их использование
в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ,
возможна только с разрешения редакции.

Точки зрения редакции и авторов
не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС», 2020

Импортер в Беларусь:
ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

Дистрибьюторы
Приложения:
ООО «Издательский дом
«Гранд Экспресс»
Директор: Станислав ГЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 421 230 99 80

Отпечатано
в АО «Прайм Принт Москва»
Адрес: 141707, Московская область,
город Долгопрудный, проезд Лихачевский,
дом №5В

Тираж: 10 500 экз.
Заказ № 3023